

НИНЕВИЙСКИЕ ХРИСТИАНЕ

ЧАСТЬ 1. ВОЙНА

Самое сильное из впечатлений от поездки в Мосул в марте (2017-го года, когда проходила масштабная операция по освобождению города от боевиков «Исламского государства») — это не взрывы смертников, не трупы во дворах домов, не сам погибающий город и даже не десятки тысяч беженцев. Сильнее всего запомнился христианский город Бахдида — город-призрак. Я побывал в нем дважды. Во второй раз на закате: солнце уже зашло, и свет был желто-синий. Пора было включать освещение в домах и зданиях. На блокпостах иракской армии уже горели огни. Бахдида была мертво-темной. Четко прорисовывались контуры зданий, домов, церквей (в современном, под «русский конструктивизм» архитектурном стиле), и ни одного горящего огонька. Сотни домов, десятки улиц, совершенно пустой современный город. Освещались лишь несколько постов армии и федеральной полиции Ирака в северной части города. Бахдида расположена в 15 километрах юго-восточнее Мосула. Этот город был отбит у боевиков одним из первых, когда началась операция по освобождению Мосула в октябре 2016-го. Но и пять месяца спустя христиане по-прежнему боятся возвращаться в свои дома. 20 километров к северу от Бахиды расположен город Бартелла, еще 10 километров на север — Башика. Это все христианские места. Они такие же призраки, как Бахдида. Иракские христиане продолжают жить в лагерях беженцев, кто-то переселился в города Иракского Курдистана. Значительная часть уехала в Европу и Австралию (австралийское правительство особенно активно помогает беженцам из числа иракских христиан) — навсегда. Исход христиан из Ирака, начавшийся с американской оккупации в 2003-м, продолжается.

ХРИСТИАНЕ И СУННИТЫ

Абрахам, последователь Халдейской католической церкви, вместе с племянником возвращается на своем автомобиле в городок Айнкава из Бартеллы. На блокпостах иракской армии и курдской пешмарги, показывая удостоверение личности, он обязательно добавляет: «Масихи» (на арабском «христиане»). Христианин — залог лояльности официальным властям в Багдаде и Иракском Курдистане. Христиане, как и езиды, больше всего пострадали от власти «Исламского государства»¹ в Ираке. Для официальных властей, поэтому они теперь естественные союзники. Правда, власти как-то не спешат помогать своим союзникам.

Александр Сергеевич Рыбин родился в 1983 году в г. Кимры Калининской области. Окончил филологический факультет Тверского университета. Работает фриланс-журналистом. Первая публикация — в журнале «День и ночь» в 2008 году. Лонг-листер премии «Неформат», Бунинской премии и премии имени В. П. Астафьева (2008). В 2012 году вошел в лонг-лист премии «Дебют» с повестью «Современный кочевник». До отъезда в ЛНР жил во Владивостоке. Публиковался в различных литературных изданиях.

¹ ИГ (организация запрещена в России).

В Бартелла у Абрахама собственный дом. Он инспектирует его периодически. Правда, ничего нового там не происходит. Все было разграблено: то ли в период двухлетней власти ИГ, то ли во время наступления иракской армии и курдских военизированных формирований пешмарга в октябре 2016-го. Один из курдов, так же имеющий дом в Бартелла, рассказывал мне, что по части мародерства правительственные и курдские солдаты не менее активны, чем боевики террористической организации. Но зато дом цел: стены, крыша, каменный забор не пострадали от ударов авиации и артиллерии освободителей. В Айнкаве, христианском пригороде Эрбиля, столицы Иракского Курдистана, Абрахам живет в доме родственников. Сколько это еще будет длиться, он не знает. Но возвращаться в Бартелла «пока рано». Еще сохраняется угроза, в этом уверены большинство христиан, с кем я общался, что террористы могут опять напасть на город.

И совершенно противоположная ситуация в суннитских окрестностях и районах Мосула, которые были под властью ИГ две-три недели назад, даже несколько дней тому назад. Жители там активно налаживают мирную жизнь под новой властью. Из суннитских районов от ИГ в 2014-м, когда оно вело масштабное наступление на севере Ирака, сбежало не настолько уж и много гражданских. Бежали преимущественно арабы несуннитских течений ислама, предшественники других религий и курды. Поэтому к началу штурма один Мосул насчитывал от 800 тысяч до миллиона гражданских жителей (оценки разных источников отличаются, но в любом случае — второй по количеству жителей город Ирака продолжал оставаться вторым даже при ИГ). По данным 2004-го года численность его жителей оценивалась в 1,8 миллиона человек.

В первых числах марта началась очередная фаза по освобождению Западного Мосула (часть города, расположенная на правом берегу Тигра). Я с другими иностранными журналистами поехал в район Джосек в юго-западной части города.

ДЖОСЕК

Непрекращающийся гул авиации в небе, за каменным забором на проспекте разворачивается танк «абрамс», возле него маневрируют броневики «хамви», черный дым поднимается из квартала, где засели боевики ИГ. Таков фон Джосека.

Захожу в дом, который иракская федеральная полиция заняла буквально полтора часа назад. На крыше полицейские стреляют в сторону, где предположительно засел снайпер противника. На втором этаже в коридоре разлеглись прямо на полу и отдыхают полицейские из группы быстрого реагирования: одни спят, другие отправляют сообщения с помощью мобильных телефонов друзьям и родным (Интернет и телефонная связь в Мосуле работают превосходно). В гостиной на первом этаже офицеры курят и обсуждают продвижение вперед. В подвале дома — его хозяева: семья из пяти человек. Отец семейства, жена, их сын и скованные тяжелыми болезнями бабушка и дедушка на металлических койках. Они — сунниты. Они не покидали город, когда он был под властью ИГ. Они не отзываются об ИГ ни плохо, ни хорошо. Говорят: «Мы рады, что пришла иракская армия». Отец семейства Абдулла говорит, что он художник (у него действительно породистое изящное лицо творческого человека) и при ИГ работал по специальности. В подробности он не вдается. Джосек — район суннитский. Здесь нет следов мародерства. Один из местных жителей, Хамад, бежавший в Багдад на время ИГ, рассказывает, что за два года ничего в его доме не тронули. «Даже машина так же стояла во дворе дома, как мы ее оставили», — говорит Хамад.

В суннитских районах Мосула и в суннитских пригородах уже через несколько дней после освобождения открываются магазинчики, через неделю базары функционируют так, будто тут и не было военных действий. Базар — центр жизни любого ближневосточного города. Если он снова действует, то оживают и окрестности. Даже в городе Хамам-Али, южнее Мосула, который правительство считает

самым ненадежным из отбитых у ИГ (там террористы пользовались особой привязью местных жителей, поэтому сейчас улицы полны вооруженных патрулей и укрепленных постов), с утра и почти до сумерек бурно живет базар.

А вот в освобожденные христианские города базары не возвращаются. Связано это с тем, что подрыв смертника вероятнее в местах массового скопления людей: на базаре, во время молитвы в церкви, на свадьбе или в школе во время занятий.

КОГДА ПРИШЛИ АМЕРИКАНЦЫ

Сами христиане, как и езиды, говорят о том, что ИГ проводило (и продолжает проводить посредством террористических актов) в отношении них геноцид. Однако на международном уровне, даже на уровне правительства Ирака, это до сих пор не признается. Вопросы вроде «был геноцид, не было, что это было?» отложены до окончания операции в Мосуле. Правда, как только город будет освобожден, и это понимает любой, хоть немного разбирающийся в иракской ситуации, обострятся противоречия между курдами и арабами, между арабами-суннитами и арабами-шиитами, внутрикурдские проблемы. И снова проблема иракских христиан и езидов будет отставлена в сторону. А их ключевая проблема в том, что они не имеют своей официально признанной правительством территории. Своего анклава, своей автономии — чего угодно, но своего. «Они как бы есть, но их как бы нет, — рассуждает американец Леви, три года работающий в Иракском Курдистане, о местных христианах. — Формально это такие же иракцы, как сунниты или шииты. Поэтому никакого особого статуса у их районов, деревень, церквей — нет. Хотя очевидно, что такой статус им нужен. Это позволило бы активнее реализовывать программы по их защите, сохранению их традиций и так далее. Потому что христиане в Ираке — меньшинство. И как показала ситуация с ИГ, меньшинство, находящееся под угрозой уничтожения террористическими силами».

На самом деле угроза уничтожения над христианами Ирака нависает с 2003 года, когда США и их союзники свергли Садда Хусейна и оккупировали страну. При Саддаме государственный аппарат, состоявший преимущественно из суннитов, занимался подавлением шиитов и курдов, а религиозные меньшинства (кроме христиан и езидов, в Ираке множество самых экзотических этноконфессиональных групп — например, шабаки и мандеи) чувствовали себя сравнительно комфортно.

Американцы, оккупировав Ирак, сделали ставку на шиитов — из них было сформировано новое правительство. Пришедшие к власти шииты (они составляют большинство населения в Ираке) начали сводить счеты с суннитами, которых считали ответственными за свои беды в период правления Саддама. В свою очередь сунниты, оказавшись в положении маргинальной части населения, стремительно радикализировались, пополняя ряды экстремистских группировок. В итоге резко возросло количество актов насилия по отношению к представителям меньшинств в арабской части страны. Культовые здания взрывали; священнослужителей похищали или убивали; на кварталы, где компактно проживали меньшинства, осуществлялись террористические атаки. Представителям меньшинств приходилось покидать свои дома и уезжать либо в другие регионы Ирака, где они могли себя чувствовать более безопасно, либо вообще за пределы страны. По информации Би-би-си, только за октябрь в 2008 году около 12 тысяч христиан бежали из Мосула и его окрестностей.

Регион, где сконцентрировано (было сконцентрировано до наступления ИГ летом 2014-го) христианское население Ирака, это Ниневийская равнина — к востоку от Мосула. Как раз там расположены и Бахдида, и Бартелла, и Башика, и другие христианские города и деревни. В настоящее время равнина поделена почти ровно пополам между властями Иракского Курдистана и багдадским правительством.

ПРИЗРАКИ

Расхожая сейчас фраза для Ближнего Востока: «Все проблемы — от арабов». Интересный факт, что даже христиане, являющиеся этническими арабами, называют себя именно христианами, а не арабами. Особенно ярко это стало проявляться на Ближнем Востоке с началом «Арабской весны», когда радикалы-мусульмане стали нападать на христиан. Подобные нападения послужили причиной того, что христиане-арабы начали идентифицировать себя больше по религиозному признаку, чем по этническому (схожая сегодня ситуация в бывшей Югославии, где народ, говорящий на одном языке, сербском, разделился на три части по религиозному признаку: православных сербов, католиков-хорватов и боснийцев-мусульман).

В Иракском Курдистане христианам живется гораздо спокойнее. Там не бывает атак на их церкви и дома. В регионе вообще редко случаются теракты. В период наступления ИГ летом 2014-го христиане предпочитали бежать в Иракский Курдистан. Поэтому христианский лагерей беженцев больше на курдской территории, чем на арабской. В городе Дохук есть кварталы православных ассирийцев. В городе Койя живет большая община последователей Халдейской католической церкви. В Айнкаве, кроме ассирийцев и христиан-арабов, живут армяне. Старейший монастырь (православных ассирийцев) в регионе — Мар Маттай — продолжал действовать, даже когда линия фронта проходила в нескольких сотнях метров от него. Благодаря опеке подразделений пешмарга.

Все время существования христианства миграция была для ближневосточных христиан, можно сказать, в порядке вещей. Переселения случались раз в сто лет, в пятьдесят или даже чаще. Но сто лет назад появилась новая тенденция. После начала геноцида армян и ассирийцев в Османской империи в 1915 году христиане стали покидать Ближний Восток, чтобы переселиться в более спокойные европейские страны и в США. За прошедший век, например, количество ассирийцев, населяющих плато Тур-Абдин (область на юго-востоке современной Турции), уменьшилось с 500 тысяч до двух тысяч. Сегодня на Тур-Абдине можно увидеть целые деревни, брошенные ассирийцами. Десятки заброшенных церквей и монастырей. В городе Мидьят — некогда центре этой ассирийской области — осталось всего 100 ассирийских семей. Мало кто разговаривает на родном, арамейском, языке — основной язык общения турецкий. Христианская Ниневийская равнина может повторить судьбу Тур-Абдина. Остающиеся призраками, несмотря на освобождение, ассирийские деревни и города молча кричат о своей трагедии.

Это был мой первый текст об ассирийцах Ирака, христианах, живущих (выживающих) на Ниневийской равнине. Чтобы написать его, мне пришлось решить массу проблем.

Я — независимый журналист, работающий сам на себя. Куда-то еду, пишу текст, делаю фотографии и предлагаю затем для публикации в издания. Меня с этими изданиями не связывают никакие договоры: они не обязаны публиковать мои тексты, я не обязан соглашаться на их изменения и дополнения в моем тексте — если меня не устраивает их позиция, я просто предложу репортаж другому изданию, третьему и так далее. В этом счастье и беда независимого журналиста: не факт, что кто-то вообще захочет опубликовать твой текст, потому что ты написал его, не подстраиваясь ни под чьи интересы.

Другая ситуация со штатными журналистами. Они следуют определенной повестке своих работодателей. Редакция дает им задание. Редакция оплачивает их расходы. Редакция в любом случае оплатит их труд. Самые крупные и богатые медиа в России — федеральные телеканал и информационные агентства.

Чтобы попасть в Ирак, на передовую в Мосул, у ребят, работающих на российских федеральных телеканалах и в информагентствах, достаточно широкие финансовые возможности. Их редакции имеют связи в Министерстве иностранных дел России, которое поможет им получить иракскую визу. На месте федеральные журналисты наймут фиксера (человека, знающего местный язык, знающего, с кем нужно договориться, чтобы попасть туда или к тем, к кому нужно), арендуют автомобиль, будут жить в достаточно комфортабельных гостиницах. Но они будут подавать ситуацию так, как им указали в редакции.

В личных беседах тележурналисты, выезжающие в «горячие точки», совсем неглупые ребята. Понимающие, что на самом деле происходит в том или ином регионе. Но они лицемерны — они не будут отстаивать правду, они будут следовать инструкциям работодателя. Им совсем не хочется терять хорошую кормушку из-за своей принципиальной позиции.

В ситуации с Мосулом российские тележурналисты должны были показать «страдания мирных граждан, которых бомбит авиация США», и «чудовищные разрушения города». Ужас освобождения Мосула должен был перекрыть драму с освобождением сирийского Алеппо. Алеппо сирийская правительственная армия при поддержке российской армии освобождала в конце 2016 года. Крупнейшие западные медиа, разумеется, они отрабатывали свою повестку, изображали операцию в Алеппо как «зверства русских и правительственных сил над мирными жителями, которые не хотят подчиняться диктаторскому режиму в Дамаске».

В общем, российские тележурналисты ехали в Мосул — «дать ответку» Западу. Поэтому в их материалах не было рассказов о том, что сунниты, которых бомбят американцы и иракская авиация, очень неплохо жили при ИГ. И если бы американцы и багдадское правительство не взялись за их «освобождение», они продолжали бы спокойно жить по законам ИГ. И никаких чрезвычайных причин сбегать из-под власти радикалов у них не было. Иракская армия и полиция в свою очередь воспринимали «освобождаемых» как врагов, которые могут в определенный момент восстать. Самый яркий пример — ситуация в городке Хамам-Али.

Чтобы приехать в Хамам-Али, мне пришлось потратить две недели на выяснение, каким образом при минимальных расходах попасть в зону боевых действий. Финансово независимый журналист очень ограничен (напоминаю, совсем не факт, что в итоге за мой репортаж мне кто-то заплатит — мои расходы могут вообще не оправдаться, а текст «уйдет в стол»). Я не могу позволить себе нанять переводчика (сам я по-арабски говорю очень слабо, на достаточном уровне знаю лишь два иностранных языка — английский и сербский). А про машину нечего и говорить. Я катался по северу Ирака исключительно автостопом. Сначала я попытался попасть в Мосул нахрапом — просто взял и поехал туда. Меня задержали на одном из иракских блокпостов (до города оставалось каких-то 15 километров) и отказывались пропускать дальше: потому что у меня не было ни фиксера, ни машины, ни разрешения от федерального иракского правительства на работу в зоне Мосульской операции. По мнению иракских военных, настоящий журналист должен ехать в зону боевых действий на арендованном внедорожнике и в сопровождении человека, отлично говорящего на арабском и знающего до тонкостей местную обстановку. К такому представлению о журналистах они привыкли за время американской оккупации — с 2003 года.

У американских и европейских штатных репортеров денег достаточно много — это раз. Во-вторых, их редакции чрезвычайно заботятся о безопасности своих штатных сотрудников, поэтому выдвигают им соответствующие требования поведения в «горячих точках». Понятно, что независимый журналист, фрилансер, стрингер в фи-

нансах скван и больше полагается на собственную смекалку и коммуникабельность. Кто-то договорится с военными, едущими на передовую, чтобы за приемлемую взятку забрали с собой (а может, и без взятки, зависит от страны — что касается Ирака, там военные и полиция очень ушлые и деньгопросные). Кто-то арендует или купит дешевый мотоцикл и поедет в объезд блокпостов на свой страх и риск (объездные пути могут быть заминированы). Кто-то сможет «сесть на хвост» телевизионщикам, имеющим своего фиксера и машину.

Мой знакомый, русский, учившийся в Дамаске, подкинул координаты чешского журналиста Радана, который тоже работал сам на себя. Чеху удалось зацепиться за федеральную полицию, и вместе с ним он ездил в Мосул. Я списался с ним по «фейсбуку». Радан подсказал координаты девушки-фиксера в Эрбиле. За сто долларов она согласилась отвезти меня к федеральной полиции. У нее были знакомые в Министерстве обороны и федеральной полиции Ирака. Если на блокпостах возникали некие вопросы, девушка-фиксер звонила знакомым — и мы ехали дальше.

У полиции была собственная группа для обеспечения работы журналистов. Они занимали брошенный особняк в 10 километрах к югу от Западного Мосула. В том же особняке жили с десятком иракских журналистов и двое иностранцев — итальянский фотограф и тот чех. Руководил группой старый полковник. Он не говорил по-английски. По-английски говорил сержант Ала, который в свое время работал с украинским миротворческим контингентом, находившимся на юге Ирака с 2003-го по 2008-й.

Ала — отличный парень. Я с ним сразу сдружился. Работа с украинцами оставила для него очень положительные впечатления. Русские, украинцы — для него одно и то же. О том, что пророссийские ополченцы воюют с 2014-го против украинских националистов на Донбассе, он вообще не знал. Короче, вечером мы с ним пили дрянной иорданский вискарь (чех Радан к нам присоединился, но быстро захмелел и уткнулся в телефон) и сравнивали хорватские штурмовые винтовки VHS, их иракцы активно использовали в городских боях в Мосуле, с АК-74. На следующий день Ала помогал мне как переводчик на передовой в Мосуле.

Полицейские на своих машинах вывозили периодически журналистов в зону боевых действий. На выездах к полицейским присоединялись журналисты ведущих иностранных телекомпаний и фотографы ведущих информационных агентств. Эти ребята выглядели с иголки, жили в гостиницах в Эрбиле и приезжали на передовую, как на пикник. Чисто одетые, в отглаженных рубашках и брюках, дорожных бронежилетах и касках с надписью «PRESS». Снимали несколько планов, брали несколько интервью у рядовых и офицеров и уезжали обратно в Эрбиль (до него езды было пару часов). Они очень походили на циничных туристов, приехавших посмотреть на чужие страдания. Натуральные буржуи, в общем.

Я, чех и итальянец вместе с иракцами, полицейскими и журналистами спали на полу, на матрасах, укрываясь грязными одеялами и своими спальными мешками. Мылись под холодным душем. За едой ездили на базар в Хамам-Али. Иракские журналисты при этом брали с собой оружие — автомат Калашникова китайского производства и иракские пистолеты «тарик». Они не доверяли ни одному из жителей Хамам-Али и всех их считали «агентами ИГ».

Мой репортаж в итоге опубликовал один из русских бумажных журналов. Я получил свой гонорар — и, казалось, с точки зрения профессионального журналиста, можно было бы забыть об этой теме и заниматься другими. Но что-то зацепило, что именно, я не мог тогда сформулировать для себя, и не давало покоя. Я хотел вернуться в Ирак ради ассирийцев, ради того, чтобы лучше узнать этот народ.

Через полгода я таки поехал на Ниневийскую равнину. Операция в Мосуле закончилась, город и окрестности были полностью освобождены от боевиков ИГ. По-

водом для поездки на этот раз стал референдум о независимости автономии Иракский Курдистан от федерального Ирака. Но гораздо больше, чем референдум, меня интересовали ниневийские христиане-ассирийцы. Я планировал пообщаться с ними, побывать в их городах и селах. Совсем не факт, что эта тема заинтересовала бы российские издания. Я рассчитывал «отбить» затраты на поездку материалами про референдум. То, что материалы о референдуме я смогу без особых проблем продать, не было никаких сомнений — курдский референдум стал одной из самых топовых медийных тем в мире в то время. То есть получалось: референдум — заработок, тема ассирийцев — для себя.

ЧАСТЬ 2. НИНЕВИЙСКАЯ РАВНИНА

Чтобы рассказывать об ассирийцах Ирака дальше, необходимо рассказать прежде об их истории, географии и о том, что для них значит христианство. Без их дохристианского и христианского прошлого невозможно понять их привязанность к Ираку, конкретно к Ниневийской равнине.

Насколько мощной и развитой была дохристианская ассирийская цивилизация, известно благодаря археологам: двоим англичанам и одному ассирийцу. В середине XIX века англичанин по имени Остин Генри Лэйард взялись за раскопки холма Куянджик — на левом берегу Тигра. Сегодня холм является частью Восточного, левобережного, Мосула. В XIX веке Мосул целиком умещался на правом берегу реки. А на холме паслись отары овец — поэтому его и называли «овечье пастбище», потурецки «куянджик».

Лэйард верил, что это не просто холм, а руины древнего города Ниневии, столицы Ассирийского царства. О том, что Ниневия расположена именно под грунтом Куянджик, догадался другой англичанин — генеральный консул Британской империи в Багдаде Клавдий Джеймс Рич. Он занимался исследованиями ассирийской цивилизации, которая тогда была известна лишь благодаря Библии и трудам античных греков и персов. Сопоставляя разные описания Ниневии, Рич сделал вывод, где ее нужно искать. В 1820 году приступил к раскопкам на Куянджик. Обнаружил несколько табличек с клинописными текстами и осколки керамики. Но всего год спустя Рич умер. Его погубила разгулявшаяся в тех местах холера.

Вообще любой холм в Верхней Месопотамии, отдельно стоящий среди равнины (по-арабски их называют «тель» или «таль»), с очень большой долей вероятности является остатками какого-нибудь древнего поселения. Отнюдь не все подобные холмы исследованы даже к настоящему времени. Чего уж говорить про XIX век. Поиски Ниневии увлекали большое количество европейских исследователей. Каждый был уверен, что именно под «его холмом» хранятся следы некогда богатой и славной ассирийской столицы. Французский ученый итальянского происхождения Поль Эмиль Ботта, например, в 1843 году раскопал холм возле деревушки Хорсабад (к северо-востоку от Мосула). Под землей оказались стены и колонны великолепного дворца. Вход во дворец охраняли огромные мифические чудовища — крылатое тело быка или льва, голова бородатого мужчины. Глаза выполнены из цветных камней. Ботта телеграфировал в Париж, что нашел Ниневию. Он был уверен, что это тот самый город, которым восхищались античные историки. Однако впоследствии выяснилось: Ботта нашел Дур-Шаррукин, тоже ассирийский город, но все-таки порядком уступавший Ниневии.

В 1847-м за дело взялся Лэйард, поверивший в предположения соотечественника Рича. Возле Куянджик проглядывались следы искусственных древних каналов.

Лэйард решил, что это могла быть система водоснабжения ассирийской столицы. Поэтому между большим каналом и Тигром он приступил к поискам Ниневии. Довольно скоро удалось обнаружить большие ворота, рядом с которыми стояли крылатые быки. Год спустя был раскопан царский дворец. Но это все были молчаливые свидетельства существовавшего некогда государства. Самую важную находку сделал помощник Лэйарда — Хормузид Рассам, уроженец Мосула, ассириец по национальности. Он получил образование в Оксфорде и был отправлен британскими властями на помощь английской экспедиции, копавшей Куюнджик. Когда Лэйард, не выдержав местного климата, вынужден был вернуться в Англию, раскопки возглавил Рассам. И в 1854 году ему удалось найти библиотеку царя Ашшурбанипала, крупнейшую из известных на сегодня ассирийских библиотек. Древняя Ассирия наконец-то «заговорила».

Библиотека собиралась по указанию Ашшурбанипала 25 лет. В ней находилось десятки тысяч (археологам удалось найти 30 тысяч) исторических, магических и научных текстов.

Писцы снимали копии с глиняных книг, хранившихся по всей империи, в Вавилоне и других центрах древней культуры Месопотамии. А эти библиотеки, в свою очередь, собирались столетиями.

Все таблички были одинакового размера. В нижней части каждой — название «книги», к которой она относилась, и номер «страницы». Заглавием «книги» служили начальные слова первой таблички. В библиотеке Ашшурбанипала тексты размещались в определенном порядке — по отраслям знаний на отдельных стеллажах. Поиск нужных текстов облегчали каталоги, в которых указывалось, помимо названия «книги», количество строк в каждой табличке, относящейся к ней. На всех «страницах» обязательно ставился штамп со словами: «Экаль Ашшурбанипал, шар кишшати, шар мат Ашшур...» («Дворец Ашшурбанипала, царя Вселенной, царя Ассирии»). Причем доступ в библиотеку имел любой житель империи, умевший читать клинопись.

Благодаря расшифровке этих текстов можно в деталях представить жизнь Ассирийского царства. Культура исчезнувшей цивилизации обретает смысловой объем. Не надо гадать, что да как было, — надо просто прочитать.

Именно в ниневийской библиотеке был найден «Эпос о Гильгамеше», одно из старейших литературных произведений в мире, из которого авторы Библии заимствовали отдельные сюжеты (например, о Всемирном потопе). Правда, появился эпос гораздо раньше ассирийцев — в Шумере, свыше четырех тысяч лет назад. Шумер, как известно, считается самой первой городской цивилизацией Месопотамии.

Ассирийцы — кочевники семитского происхождения, пришли с Аравийского полуострова в Месопотамию около четырех с половиной тысяч лет назад. Они многое заимствовали у уже развитой городской цивилизации шумеров. Начали вести оседлый образ жизни. Построили первый город — на берегу Тигра. Назвали его Ашшур — в честь своего бога-покровителя, бога войны. От названия первого города имя получили весь народ и созданная им позже империя. Ашшур, Ассирия, затем трансформировалось арабами и турками в «Сирия».

Быстрому развитию, укреплению экономического могущества ассирийского государства способствовало выгодное географическое положение. В горных районах было изобилие руды, камня и леса. Кратчайшие пути вели через него в Иран, Урарту, Малую Азию и страны Средиземноморья.

Расширяя свое государство, ассирийцы захватывали чужие города, основывали свои. Часто переносили столицу из одного места в другое. Отстраивали ее по новой,

каждый новый царь, разумеется, пытался превзойти предшественника по богатству и роскоши своего главного города. Столицы ассирийцев объединяло то, что располагались они сравнительно недалеко друг от друга: на берегу Тигра, на севере современного Ирака. Самой роскошной из них считается Ниневия. Она стала фактически последней столицей Ассирии — именно в ней воплотились достижения цивилизации, существовавшей к тому времени полторы тысячи лет.

Название города означает — жилище или город Нина. Царь Нин, предположительно, является основателем ассирийской монархии. Жил он, тут источники расходятся во мнении, в XXI веке, или XVI, или XIV до нашей эры.

Столицей империи Ниневию сделал царь Синахериб (правивший с 705-го по 681 год до нашей эры). По его приказу рабочие воздвигли террасу высотой почти в десятиэтажный дом. На террасе были построены царский дворец, храмы, зиккурат. Сюда не поднимались болотные испарения. Садовники посадили перед дворцом парк редких растений, строители выкопали пруды, которые создавали прохладу, в прудах плавали лебеди и другие птицы.

Ниневия была огромным городом. Ее площадь равнялась 2/3 территории Рима в III веке нашей эры (то есть на пике расцвета Римской империи), а численность населения достигала 170 тысяч человек. Дома были большие и светлые, улицы широкие, прямые и зеленые. Центральная улица, прозванная Царской, достигала 26 метров в ширину, что шире Невского проспекта в Санкт-Петербурге. Она была залита асфальтом, с обеих сторон ее украшали статуи.

Покровительницей Ниневии являлась богиня Иштар — в городе находился храм в ее честь. Интересно, что она считалась одновременно богиней сексуальных утех и ссор, плодородия и войн. Еще один храм Иштар располагался в 80 километрах к востоку — в ассирийском Арбилуме (ныне Эрбиль, столица Иракского Курдистана).

В «Эпосе о Гильгамеше» богиня упоминается как известная блудница, пытавшаяся соблазнить Гильгамеша. «Я буду тебе виноградной лозой, а ты шестом, к которому меня привязывают, ты будешь моим мужем, а я буду твоей женой. Я дам тебе колесницу из хрусталя и золота, где дышло золотое и украшения стеклянные, чтобы ежедневно впрягать в нее твоих могучих коней», — уговаривает Иштар героя. Но Гильгамеш отказывается от ее ласк: он напоминает ей, скольких героев и богов она уже соблазнила и затем предала. Называет ее «дворцом, обвалившимся на голову герою».

Одна из глиняных табличек, найденных на Куюнджик, свидетельствует, что сказания об Иштар были в числе любимых произведений царя Ашшурбанипала. Среди таких произведений — «Схождение Иштар в ад». В этом тексте можно найти достаточно сходств с сюжетами Ветхого и Нового Заветов. Ключевой момент: воскрешение из мертвых. Иштар путешествует по аду, чтобы воскресить своего мужа (очередного), бога-пастуха Таммуза. Однако умирает сама, когда лишается всех своих одежд и украшений. Вернуться к жизни Иштар удается благодаря «живой воде». «Живой водой» омывает ее служитель ада, демон чумы Намтар. Иштар возвращается в мир людей и богов — Таммуза оставляет в аду, он теперь должен обитать среди мертвых вместо нее.

На время правления Ашшурбанипала приходится последний период расцвета Ассирийской империи. Он правил с 669-го по 627 год до нашей эры (приблизительно). При нем произошло несколько очень успешных военных походов на соседние государства (ассирийская армия доходила до Египта и Аравийского полуострова). Отрубленные головы побежденных правителей отправляли в Ниневию. Головы развешивали во дворце Ашшурбанипала — в залах, где он устраивал пиры. При нем в импер-

ской столице появились многочисленные барельефы, изображающие военные подвиги ассирийцев: воины, штурмующие вражеские крепости, форсирующие реки, готовящие и чистящие коней к бою; колонны рабов; рабочие, перетаскивающие землю и камни в корзинах, возводящие стены дворцов для победителей.

После смерти царя Ашшурбанипала империя стала приходить в упадок. В 610 году до нашей эры после двухлетней осады Ниневия была взята объединенной армией мидийцев и вавилонян. Ассирийский царь Синшарруишкун, понимая, что поражение неизбежно, собрал в главном дворце жен, близких, родственников, сокровища и поджег его.

Успехи вавилонян и их союзников в борьбе против ассирийского государства объясняются не только слабостью ассирийской армии, наполненной к тому времени большим количеством представителей других этносов, но прежде всего безразличием самого народа, страдавшего от власти царей, аристократии, жрецов и рабовладельцев.

«Крестьянство Ассирии, — писал историк-востоковед Игорь Михайлович Дьяконов, — находилось в бедственном положении и страдало от поборов, повинностей и рекрутских наборов». Дьяконов полагает, что наступление Вавилона и Мидии получило всенародную поддержку ассирийцев, так как они стремились сбросить с себя царскую династию и при этом большую роль отводили вавилонским и мидийским войскам. Из «Хроники Гэдда» известно, что в Ниневии победители уничтожали в основном знать.

Гибель Ниневии описал библейский пророк Наум. «Горе городу кровей!.. Несется колесница, блестит меч и сверкают копья; убитых множество и груды трупов; нет конца трупам и спотыкаются о трупы их... Спят пастыри твои, царь Ассирийский, покоятся вельможи твои; народ твой рассеялся по горам, и некому собрать его». Ниневия заслужила гибель, написал в своей книге пророк Наум, виновна она в «блудодеемии» и «чародеемии»: «Это — за многие блудодеевания развратницы приятной наружности, искусной в чародеевании, которая блудодееваниями своими продает народы и чарованиями своими — племена». Вся книга пророка Наума, ставшая частью Ветхого Завета, посвящена гибели Ниневии.

Сам Наум после смерти был захоронен недалеко от разрушенной ассирийской столицы, в 50 километрах к северо-востоку от нее, — в городе Алькош. В Алькоше гробница ветхозаветного пророка сохраняется до сих пор. Правда, часть свода рухнула, частично обрушились стены. На одной из сохранившихся стен есть табличка на иврите, посвященная покойному.

Алькош расположен на самом краю равнины, на склоне гор, ограничивающих равнину, которая носит название в честь древней ассирийской столицы — Ниневийская.

Ниневийская равнина — это область между рекой Тигр на западе, рекой Большой Заб на юге и горными цепями (самая высокая из которых — хребет Гели-Курд, у подножия этого хребта расположен Алькош) на востоке и севере. Это очень плодородный регион. Видимо, за комфортный климат и плодородность ассирийцы выбрали эту равнину в качестве центра своей империи (кроме Ниневии, в этом же регионе располагались другие имперские столицы — Нимруд и Дур-Шаррукин).

После того как Ниневия была захвачена вавилонянами и мидийцами, жители оставили ее и больше туда не возвращались. Новый ассирийский город появился на противоположном берегу Тигра — Мосул. Самое раннее задокументированное упоминание Мосула принадлежит греческому военачальнику Ксенофону — в его главной книге «Анабасис». Отступая из Персидской державы во главе десяти тысяч греческих наемников в 401 году до нашей эры, Ксенофонт видел заброшенные оборонительные сооружения города. Он писал, что город был захвачен персами и потому обезлюдел. Снова Мосул ожил, видимо, благодаря тому, что располагался на важном торговом пути, соединяющем восток и запад ближневосточного региона.

Уже с I века нашей эры мосульские ассирийцы (впрочем, как и другие ассирийцы, обитавшие в городах и деревнях на Ниневийской равнине) начали принимать христианство. Что интересно, сам Иисус Христос, вероятно, был ассирийцем, исповедовавшим иудаизм. По крайней мере, говорил он на арамейском языке (другое название языка — ассирийский). На диалектах этого языка говорят современные ассирийцы, службы в их церквах проводятся на диалекте времен Христа.

Трое волхвов, направлявшихся принести дары новорожденному Иисусу, вышли, если верить преданию, из ассирийского города Амадия. Амадия расположена на вершине столовой горы на северо-востоке Ирака, это одно из самых живописных мест в Ираке. Слово «волхвы» — из русской православной традиции. Оно многозначно: мудрецы, знахари, предсказатели, звездочеты, чародеи — по Энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона.

Амадия славилась своими магами (что в переводе с греческого значит «чародеи»). Оригинал Евангелия написан именно на греческом языке, и там используется слово «маги» по отношению к волхвам. В общем, трое чародеев шли поклониться новорожденному Иисусу (однако за «чародейство», вспомните, погибала Ниневия — уверял пророк Наум). А куда именно им нужно в итоге прийти, указала Вифлеемская звезда, которую они увидели, пересекая плато Тур-Абдин, возле деревушки Хах, опять же источник тут — одно из местных преданий. Поэтому жители Хах уверены, что церковь в их деревне начали строить еще в I веке. Правда, завершилась стройка то ли в V, то ли в VI веке. Церковь стоит до сих пор: на ассирийском ее название — Идто д'Йолдаз-Алохо, по-русски — Девы Марии.

Плато Тур-Абдин и Ниневийская равнина оказались среди первых очагов распространения христианства на Ближнем Востоке. Первыми проповедниками христианства среди ассирийцев были апостолы Фаддей и Мария Магдалина (сразу вспоминается богиня Иштар — обе являлись известными блудницами; правда, Иштар ни разу не покаялась за свои частые соития с разными мужчинами).

Уже во II веке ассирийцы-христиане двинулись дальше на восток, чтобы рассказывать о своем учении. К концу IV века в Средней Азии целые города уже приняли новую веру. Ныне туркменский город Мерв стал христианским центром, там была организована метрополия. Из Мерва христианство распространялось дальше вдоль Великого Шелкового пути.

Интересно, конечно, что именно стало основными причинами столь быстрого распространения христианства в Средней Азии: ее ненасильственный характер, ее моральные принципы, что-то другое? Точно эти причины пока не установлены.

Особым успехом пользовались христианские миссионеры среди уйгуров и монголов. В уйгурской среде новая религия впитывала уже существующую буддистскую культуру. В результате получались весьма оригинальные произведения искусства. Например, иконография уйгурских христиан своей стилистикой очень напоминает традиционную буддистскую иконографию, но сцены взяты из библейских сказаний.

В XI веке приняли крещение кераиты, самый крупный и самый культурный из монголоязычных народов в Средней Азии. Вождь племени получил новое имя Юханнан (ассирийская версия имени Иоанн). Территория этого племени и других тюркских и монгольских племен, которые так же переходили в христианство, постепенно стала известна в Европе как царство пресвитера Иоанна.

Кераитов разгромил Чингисхан в 1203 году. Тем не менее сказание о царстве пресвитера Иоанна продолжало еще несколько веков будоражить христианские народы, живущие далеко на западе.

Кроме Средней Азии, ассирийские миссионеры отправлялись на Кавказ: в Грузию, Армению и Осетию. И дальше — в Крым, на северное побережье Черного моря. Распространение христианства стало чем-то вроде национальной идеи ассирийцев.

Старейшие, сохранившиеся до наших дней монастыри и церкви Ниневийской равнины и Тур-Абдина, относятся к IV веку. В обоих регионах к тому времени проповедовали или отшельничали к тому времени тысячи, а может, и на порядок больше христиан. Хотя ассирийская элита предпочитала древнюю персидскую религию — зороастризм.

Зороастрийцем был, к примеру, ассирийский царь Синхариб, живший в первой половине IV века. Он правил провинцией Ашшуристан, которая входила в состав государства Сасанидов, персидской династии. Однажды сын Синхариба Бехнам отправился на охоту с многочисленной свитой и заблудился, остался один среди леса. Бехнаму встретился христианин-отшельник святой Матвей (Мар Маттай — по-арамейски). Пока отшельник выводил из зарослей царского сына, рассказывал ему о христианстве. Бехнам предложил Матвею совершить чудо, тогда он уверует в Христа. В следующий раз царский сын приехал к отшельнику со своей сестрой Сарой, она страдала от проказы. Матвей крестил Сару в ручье, и она выздоровела. В тот же день Бехнам и 40 слуг, сопровождавших его, тоже приняли крещение.

Дальше разыгралась семейная драма: отец был против, дети проявляли настойчивость. Синхариб, не сумев переубедить ни сына, ни дочь отказаться от христианства, приказал казнить их. Бехнам и Сара сбежали из столицы Ашшуристана — Мосула. Но их скоро догнала отцовская стража. Казнь состоялась на холме в 20 километрах к югу от города Бахдида.

После убийства детей сам Синхариб заболел проказой и повредился рассудком. То ли его жене, то ли ему самому явился ангел и указал посетить место казни Бехнама и Сары. Оказавшись на месте казни, ассирийский царь выздоровел и решил креститься. А над могилами детей был построен монастырь. Также он приказал построить монастырь для святого Матвея на горе Альфаф, где тот скитался (недалеко от современного города Башика). Таким образом, монастыри Мар Бехнам и Сара и Мар Маттай стали самыми первыми монастырями на Ниневийской равнине. Дата постройки первого точно неизвестна. Мар Маттай был возведен в 363 году.

Имя святого Бехнама и его сестры Сары носят еще несколько монастырей и церквей на Ниневийской равнине и Ираке в целом. Другой весьма почитаемый на равнине святой — монах Хормизд (другая версия произношения его имени — Хормузд). Он жил в начале VII века.

Поселился в пещере недалеко от Алькоша. Горы над Алькошем вообще славятся многочисленными пещерами и родниками. Поэтому и город этот является одним из самых древних на равнине.

Когда к Хормизду присоединились еще два отшельника, то вместе они решили основать монастырь («монах» на арамейском — «раббан»). Это произошло в 640 году. Со временем монастырь получил имя — Раббан Хормизд.

В пещере, где Хормизд молился, он потихоньку высекал крест. Двенадцатиконечный, гладко отшлифованный крест, над которым он трудился много лет, позже стал главной святыней монастыря. Монастырь за почти 1400 лет неоднократно подвергался разрушениям и разграблениям. Но он снова возрождался вокруг пещеры с крестом. Монголы, Тамерлан, арабы, курдские разбойники — кто приходил с оружием на равнину, обязательно нападал и на монашескую обитель. Однако крест Раббана Хормизда никто из них не повредил (или не пытались, или не смогли).

В 1858-м ближе к Алькошу, на равнине монахи отстроили новый монастырь — Пресвятой Девы Марии. Он и стал основной обителью монахов. А Раббан Хормизд потихоньку опустел. Лишь изредка там проводятся службы.

За две тысячи лет христиане Ближнего Востока пережили массу расколов. Поэтому в настоящее время ассирийские церкви Ниневийской равнины, тысячу лет

назад относившиеся к православному течению, разделены между четырьмя наиболее крупными в Месопотамии ответвлениями: Сирийской православной церковью (еще ее называют Сиро-Яковитской), Ассирийской церковью Востока, Сирийской католической церковью и Халдейской католической. Все они имеют обрядовые и декоративные элементы православия. И непривычный человек не поймет, чем они отличаются, не посетив службы.

Монастырь Мар Бехнам и Сара стал относиться к Сирийской католической церкви. Мар Маттай остался за православными ассирийцами (сиро-яковитами). В Раббан Хормизд с 1551-го по 1804 год находилась резиденция патриархов Церкви Востока. В 1830-м монастырь перешел под управление Халдейской католической церкви, отколовшейся от Церкви Востока (халдеи признали главенство Ватикана, а Ватикан разрешил им учредить собственный патриархат). Другой откол от Церкви Востока — Ассирийская церковь Востока, она главенство Ватикана признавать отказалась, в качестве резиденции своего патриарха выбрала деревню Кочанис в горах провинции Хяккари, в нынешней Турции.

Но несмотря на расколы и конфликты между разными течениями христианства, ассирийцы по-прежнему составляли значительную долю населения в Мосуле и абсолютное большинство жителей в самых старых городах Ниневийской равнины вплоть до прихода к власти в независимом Ираке Саддама Хусейна. По переписи 1957 года, ассирийцы составляли 75 процентов жителей равнины.

Хусейн, ставший иракским президентом в 1979-м, стимулировал смешение разных этноконфессиональных групп страны для создания единой иракской нации, говорящей на арабском языке. Представители различных этносов перемещались с мест своего традиционного проживания в другие области. В Мосуле росла доля турменского и арабского населения. Появлялись новые мечети. Представителей меньшинств Саддам старался интегрировать в управление государством. Например, бессменным председателем его правительства был выходец из семьи халдеев-католиков — Тарик Азиз (ассирийское его имя Михаил Юханна).

Число ассирийцев в Ираке стало стремительно сокращаться после свержения Саддама американцами и их союзниками в 2003-м. До американской оккупации не менее миллиона ассирийцев проживали в Ираке. Атаки исламских радикалов на немусульман по всей стране вынуждали христиан, езидов и другие меньшинства покидать свои дома, села, города, даже страну. Сотни тысяч христиан уехали в Сирию, Европу, США или Австралию. Правительство в Багдаде обсуждало возможность создания автономий для меньшинств, чтобы обеспечить их безопасность и сохранение традиций. Однако дальше слов дело не двинулось.

До наступления радикалов «Исламского государства» на севере Ирака летом 2014-го численность ассирийцев на Ниневийской равнине и в Мосуле оценивалась в 250 тысяч человек.

ЧАСТЬ 3. ГОНЕНИЯ

История ассирийцев-христиан, пока еще продолжающих жить на Ниневийской равнине, по сути, продолжение библейского эпоса — очередная глава о гонимом народе. С тех пор, как они массово стали переходить в христианство, хотя бы раз в столетие они подвергаются жестоким репрессиям со стороны нехристианских народов и властей. Говоря современной терминологией, их подвергают геноциду.

Интересно, что в Библии ассирийцы часто упоминаются в качестве гонителей, жестоких властителей, узурпаторов. Вот цитата из Четвертой книги царств, глава 19: «Цари Ассирийские разорили народы и земли их, и побросали богов их в огонь; но это не боги, а изделия рук человеческих, дерево и камень; потому и истребили их». Другая цитата из той же Четвертой книги царств, глава 17: «Царь Ассирийский взял Самарию, и переселил израильтян в Ассирию, и поселил их в Халахе, и в Хаворе при реке Гозан, и в городах мидийских... И привел царь Ассирийский людей из Вавилона, и из Куты, и из Аввы, и из Хамата, и из Сепариваима, и поселил их в городах Самарии вместо сынов Израиля. И они овладели Самарией, и стали жить в городах ее». История с израильтянами известна также по записям на стенах царского дворца в Дур-Шаррукин.

В соответствии с устными ассирийскими преданиями, Иисус Христос и все его апостолы, кроме Иуды Искариота, были потомками тех ассирийских колонистов, которые заселили «города Самарии», то есть древний Израиль. А бороться с иудейскими священниками и начальниками Иисус начал потому, что они всячески унижали ассирийцев. Из этой борьбы и родилось новое религиозное учение — революционная идеология своего времени.

То, что вытворяли ассирийцы-язычники над соседними народами, спустя века пришлось испытать на себе ассирийцам-христианам. Их убивали, угоняли в рабство, их церкви и монастыри разрушали, их города и села заселяли нехристианские народы.

К началу XX века тем не менее ассирийцы продолжали удерживаться на землях, где стояли их старейшие церкви и монастыри: Ниневийская равнина, плато Тур-Абдин и ряд районов к северу от Дамаска (современная Сирия). Эти области в то время входили в состав Османской империи.

Как и другие христианские народы мусульманской империи, ассирийцы надеялись на помощь России. В XIX веке русская армия воевала против турок на Балканах за интересы местных христиан: сербов, болгар, черногорцев и греков. На Кавказе русские смогли отбить часть областей, населенных грузинами и армянами. Когда началась Первая мировая, ассирийцы отказались вступать в ряды турецкой армии, которая сражалась против Российской империи.

Наиболее активно противостояли турецким властям последователи Ассирийской церкви Востока, жившие к востоку от плато Тур-Абдин, в горной местности Хяккари. Благодаря своей труднодоступности их территория де-факто являлась теократической автономией — управлял автономией их патриарх Мар-Шимун Беньямин, 21-й по счету патриарх, живший в деревне Кочанис.

Турецкие власти обвинили ассирийцев в предательстве родины (они имели в виду Османскую империю, где христиане жили на правах людей «второго сорта»). Началась резня мирного ассирийского населения — солдатам-туркам активно помогали кочевые курды-сунниты. Первыми попали под удар те, до кого проще всего было дотянуться, — ассирийцы, жившие в городах и селах на плато Тур-Абдин. Параллельно в Османской империи шел геноцид армян и греков. Самыми жестокими палачами проявили себя курды: прежде чем убить, они затейливо пытали христиан. Они же разрушали церкви и монастыри. В опустевшие города и села курды перевозили свои семьи (большую часть нынешнего Турецкого Курдистана до Первой мировой войны населяли в основном ассирийцы и армяне).

Горные ассирийцы, последователи Ассирийской церкви Востока, успели сформировать отряды самообороны. Турки призвали ополчение разоружиться, арестовав брата патриарха Мар-Шимуна — Хормизда, который учился в Стамбуле. Патриарх ответил: «Брат у меня один, а народ мой многочисленный, поэтому я предпочту потерять брата, но сохранить народ». Хормизда привезли в Мосул и казнили — повесили.

Турецкая армия и курдские отряды пошли в наступление на села в горах Хяккари. Ассирийцы отчаянно сопротивлялись. Но численное и техническое преимущество было на стороне противника. Осенью 1915 года ассирийцы во главе с Мар-Шимун, перейдя через горные хребты, вышли в Персию — к городу Урмия, где находилась русская армия и жила ассирийская община.

Русские сформировали из ополченцев Мар-Шимуна два батальона. Вместе с этими батальонами русские солдаты ходили в опасные рейды по турецким тылам. Писатель Виктор Шкловский, бывавший в Урмии и общавшийся с ассирийцами, писал в книге «Сентиментальное путешествие», что Мар-Шимун лично участвовал в рейдах. Он и его епископы принимали участие в штыковых атаках и добывали пленных.

Бежавших в Урмию ассирийцев Шкловский описывал так: «Жили изгнанные ассирийцы, голодали, грабили, возбуждая жгучую ненависть персов. Одеты в маленькие войлочные шапки, в штаны, широкие, как шаровары, сшитые из маленьких кусочков ситца и подвязанные выше щиколотки веревками, в цветном жилете, ходили они по базарам. Религия, которая связывала ассирийцев, уже давно ослабела и сохранилась только в форме противопоставления себя как христиан мусульманам».

Мар-Шимун ездил в Тифлис, где встречался с кавказским наместником великим князем Николаем Николаевичем. Великий князь обещал, что в случае успешного исхода мировой войны ассирийцы смогут создать национальную автономию в районе Мосула. Россия будет выступать гарантом их автономии (подобные практики уже имели место: после начала революции в Китае в 1911 году Россия стала гарантом провозглашенных автономий Монголия и Урянхайский край на севере Китая).

После Октябрьской революции русская армия в Урмии приняла решение о возвращении в Россию. Ассирийцы Мар-Шимуна и местные армяне просили русских оставить два полка в качестве ядра, вокруг которого сформировали бы христианские дружины. Но два полка взять было неоткуда: армия гнила, разлагалась, громила базары и от скуки убивала окрестных курдов.

На плато Тур-Абдин продолжались убийства оставшихся ассирийцев. Ассирийцы пытались сопротивляться: в некоторых деревнях вооруженным турецким войскам и курдским бандам отпор был дан буквально голыми руками. В документах Османской империи даже говорится о существовании так называемого «батальона мясников» под предводительством Джедвед Бея, который проводил операции по устранению безоружного нетурецкого населения. Тех, кого не убивали, турки перегоняли в концентрационные лагеря. Самые известные из них размещались возле селений Рас-эль-Айн и Дейр-эз-Зор, территория нынешней Сирии. Молодых девушек курды забирали себе — использовали их в качестве рабынь. В книге «Умрет ли этот народ?», где собраны свидетельства геноцида ассирийцев, приводится история девочки Каримы из халдейско-католической семьи. Курды убили ее родителей, когда ей было 10 лет. Следующий год она вместе с другими халдейскими девочками ее возраста находилась в курдской деревне Зевида, где их насильовали местные мужчины. Следующие три года она была рабыней в семье турок в провинции Сиирт. Ее страдания закончились, когда она попала к родственникам, жившим в Стамбуле.

После ухода разложившейся союзной армии из Персии в январе 1918-го ассирийцы, с ними остались некоторые русские офицеры, несколько месяцев обороняли Урмию от подступивших турок. В марте 1918-го курдский хан, глава одного из кланов, Исмаил-ага Симко предложил Мар-Шимуну примириться и совместно сражаться против османской армии. Мар-Шимун отправился на переговоры с ним. После беседы, когда патриарх вместе с советниками, двумя русскими офицерами, и охраной вышел из дома, их в спины с крыш расстреляли курды. Ружейные залпы сопровождались очередями из пулемета. Мар-Шимун погиб.

Ассирийско-армянским ополчением продолжал командовать полковник Кондратьев. Несмотря на отдельные успехи в боях против турок, ситуация для христиан на севере Персии постепенно ухудшалась. Турки уже заходили в кавказские области бывшей Российской империи. Ассирийцам и армянам нужно было искать сильного союзника. Поэтому они приняли решение идти к Багдаду — под покровительство англичан.

Из Урмии вышло 250 тысяч человек. Их тяжелый переход из Персии в Ирак по дикой горной местности — один из самых драматичных эпизодов Первой мировой. «Дороги не было, а идти нужно было вдоль турецкого фронта или, если сказать верно, мимо турецких и курдских гор, — пересказывал в „Сентиментальном путешествии“ Шкловский рассказ одного из выживших ассирийцев, Лазаря Зервандова. — Кругом были турки, и курды, и персы, коротковолное море мусульман, и выстрелы из-за камней, и бои в ущельях между скал, в которых протекают быстрые речки по камням, и камни со скал, и скалы, скалы, персидские скалы, как сильные волны каменного, каменной рябью покрытого моря... вышли из ущельев и шли горами. Воды не было. Двенадцать дней ели снег. Лошади падали. Тогда отняли лошадей от старых мужчин и отдали молодым. Нужно было сохранить не людей, а народ. Потом оставили старых женщин. Потом стали бросать детей. Через месяц похода дошли до багдадской английской земли. И было народу в это день двести три тысячи человек».

За время геноцида 1915—1918 годов в Османской империи погибли не менее 500 тысяч ассирийцев. Сотни деревень и десятки ассирийских городов на плато Тур-Абдин обезлюдели. Те, кто выжил, бежали на территорию бывшей Российской империи — селились в Грузии, Армении, Москве и Петрограде — или в Ирак и Сирию под защиту англичан и французов.

Англичане и французы обещали ассирийцам автономию по итогам Первой мировой. Обманули. Ассирийцы не получили никаких особых прав ни в оккупированном англичанами Ираке, ни во французском протекторате Сирия. Молодая Турецкая республика Мустафы Кемалея, прозванного Ататюрком (Отец турок), вела откровенную националистическую политику. Никаких шансов у ассирийцев-беженцев вернуться на плато Тур-Абдин не было. Тех, кто пытался возвращаться, изгоняли. Выживших и оставшихся на территории Турции ассирийцев турецкие националисты объявили «турками-сеμίтами». Никакого образования на национальном языке, никакой культурной автономии, никакого самоуправления для этнических меньшинств — Ататюрк создавал государство исключительно для турок.

Следующее массовое убийство ассирийцев происходило при поддержке английской авиации. В начале августа 1933 года на севере Ирака ассирийские партизаны напали на иракскую армию. Была разгромлена военная часть иракцев, погибли 33 солдата. Партизаны переправились через Тигр и скрылись в Сирии.

Номинально Ирак являлся королевством — имел соответствующие атрибуты самостоятельного государства, включая армию. Но де-факто подчинялся Великобритании.

Иракская армия при поддержке курдских племен и английской авиации устроила карательный рейд по ассирийским поселениям на севере королевства. Командовал операцией этнический курд и при этом арабский националист, генерал Бакр Сидки. С 7-го по 16 августа иракская армия проводила массовые казни в городе Симел и ассирийских деревнях на севере Ирака. Арестованных вывозили в безлюдную местность и расстреливали. «Зачистки» проводились в 60 ассирийских деревнях. Тысячи местных жителей вынуждены были бежать в Сирию, которая находилась под властью французов. Всего в ходе карательной операции в августе 1933-го иракские военные убили три тысячи гражданских.

Следующий эпизод геноцида ассирийцев — наступление боевиков «Исламского государства» на севере Ирака в 2014-м.

10 июня иракская армия и полиция спешно покинули Мосул — около 20 тысяч человек. Как позже утверждали солдаты в интервью иракским медиа, они «получили приказ от вышестоящего командования». То же самое я слышал позже от мосульских журналистов, покинувших город и перебравшихся в другие регионы: из Багдада поступил приказ об отступлении. В Мосуле и на близлежащих военных базах были оставлены различные виды вооружений, включая тяжелую бронетехнику, артиллерию, ракетные установки и ударные вертолеты. Только одних броневиков «хамви» было брошено не менее 2300 единиц — это впоследствии признали иракские власти и их американские союзники. Город и оружие оказались во власти нескольких сотен боевиков ИГ. Тогда радикалы именовали себя «Исламское государство Ирака и Леванты». «Исламское государство» (халифат) они провозгласили именно в Мосуле — 29 июня в мечети ан-Нури.

В первых числах августа радикалы выдвинулись на запад и на восток от Мосула. На западе их целью был езидский анклав Шангал, на востоке — ассирийские поселения Ниневийской равнины. Курдская пешмарга, которая обеспечивала безопасность в обоих регионах, отступила без боя. В Шангале происходили массовые убийства езидов, погибло не менее пяти тысяч человек. Тысячи женщин и детей попали в рабство. Ассирийцы успели покинуть свои города и бежали в Айнкаву, Дохук, Сулейманию и другие города Иракского Курдистана.

На Ниневийской равнине боевики ИГ не смогли захватить лишь Алькош. Местные жители, вооружившись, засели в горах над городом. С одним из командиров местных сил самообороны я потом общался — Ренан, он был снайпером. Молодой, ему, если не ошибаюсь, было меньше 25 лет, когда ИГ попыталось атаковать Алькош. С гор Ниневийская равнина просматривается как на ладони. У радикалов не было шансов приблизиться к городу без серьезных потерь. Больше двух лет линия фронта находилась километрах в 15 к западу от Алькоша.

Захваченные христианские святыни радикалы ИГ уничтожали. Причем снимали это на видео и выкладывали в Интернет. По их мнению, разрушение церквей и монастырей — часть «джихада». Монастырь Мар Элия, построенный в 595 году, террористы сровняли с землей в сентябре 2014-го. 19 марта 2015-го они взорвали гробницу святых Бехнама и Сары, разрушили монастырь, где находилась гробница. Католический собор в Мосуле был разрушен 24 апреля 2016-го. Всего в Ираке было уничтожено, переоборудовано в тюрьмы, штабы или тренировочные центры не менее 45 церквей и монастырей.

ИГ уничтожало и памятники истории. Музей Мосула был разграблен. Древние руины Ниневии, Нимруда, Ашшура и Дур-Шаррукина взорваны. Радикалы уничтожали следы цивилизаций, которые существовали до ислама, существовали помимо ислама.

В феврале 2015-го боевики ИГ атаковали ассирийцев на северо-востоке Сирии. Вдоль реки Хабур возле городка Тель-Тамар компактно расположены около 30 ассирийских сел. Некоторые из местных жителей — потомки бежавших с плато Тур-Абдин во время геноцида 1915–1918 годов. Другие — потомки бежавших от резни 1933-го года в Ираке. Вот на этих ассирийцев и напали радикалы.

В начале марта того года я приехал в Камышлы. Меня интересовала автономия Рожавы, которую сирийские курды вместе с союзными ассирийскими и арабскими организациями провозгласили на севере Сирии. Автономия делилась тогда на три анклава (кантона): Африн, Кобани и Джазира. Камышлы являлся самым населен-

ным городом кантона Джазира. Мне удалось договориться с местными властями и съездить в Тель-Тамар, где происходили бои. Далее мой репортаж оттуда.

НА СЕВЕРНОМ ФРОНТЕ СИРИИ

Южная окраина городка Тель-Тамар. Здание бывшей больницы. Сейчас тут позиции и казарма бойцов YPG (по-курдски звучит «ЕПГ», силы народной самообороны сирийских курдов). Вдоль стены бывшей больницы земляная насыпь высотой в человеческий рост. Боец Ахмат объясняет, что из-за насыпи лучше не высовываться: может обстрелять снайпер. За насыпью бывший ресторан — бетонный одноэтажный куб с крышей из листового железа. Крыша разодрана взрывом, по стенам выбоины от осколков. Ахмат говорит: «Мина двадцатимиллиметровая попала. Два дня назад». Дальше 200 метров открытого пространства — поле. За полем деревня Тель-Шамиран. В Тель-Шамиране позиции боевиков «Исламского государства». Из деревни и позади нее поднимаются шлейфы черного дыма. «Час назад по исламистам отбомбились американцы», — показывает Ахмат на дымы. «Американцами» тут называют коалицию США и их союзников, которые наносят авиабомбовые удары по ИГ.

Соседнее здание занимает «асаиш» — местный аналог полиции. Бетонные блоки, земляная насыпь со стороны Тель-Шамирана. В следующем здании — расположение ассирийских ополченцев. Всего в 50 метров от этих позиций в глубь города пекарня. У окна раздачи собрались немногочисленные неухавшие жители Тель-Тамар, десятка два человек, — получают хлеб, стопки тонких круглых лепешек. По одежде ясно — арабы.

Бои в районе Тель-Тамар начались в конце февраля. В городке на тот момент проживали до 10 тысяч человек — местные жители и беженцы. Население смешанное: арабы, курды и православные ассирийцы. Деревня Тель-Шамиран была полностью под контролем YPG. Территория «Исламского государства» начиналась в соседней деревне Тель-Насри. 23 февраля исламисты атаковали Тель-Тамар и близлежащие ассирийские села, убили и похитили порядка четырехсот местных жителей. С тех пор здесь одна из самых «горячих точек» сирийской автономии Рожавы, ее самой большой по площади и самой населенной части — кантона Джазира.

Долгое время кантона Джазира не касались активные боевые действия. Хотя ИГ еще летом 2014-го заняло территории, прилегающие к кантону. Отдельные перестрелки происходили западнее города Рас-эль-Айн на сирийско-турецкой границе, но очертания линии соприкосновения не менялись. В середине февраля исламисты атаковали деревни на юго-востоке Джазире, где проживают преимущественно православные ассирийцы. Были убиты и похищены десятки христиан. Их судьба до сих пор неизвестна. В ответ YPG, YPJ и ассирийские ополченцы повели наступление на территорию, подконтрольную радикалам. Им удалось освободить достаточно крупный по местным меркам город Тель-Хамис и окрестные деревни. Тогда радикалы нанесли удар по Джазире с другой стороны — с юго-запада, под Тель-Тамар. Город спешно покинули почти все жители. Причем, как рассказывают бойцы сил самообороны, часть из них — преимущественно ассирийцы и курды — уехала в другие районы Джазире. Часть — преимущественно арабы-сунниты — отправилась на территорию, контролируемую ИГ.

Городок пуст. На многих столбах развешена символика YPG и YPJ. По улицам, пыля, иногда проносятся пикапы и бронетехника сил самообороны. Одинокая забытая курица неспешно прогуливается во дворе покинутого дома. Если не приглядываться к домам, не замечать отдельных выбоин от осколков и пуль, то это обычный ближневосточный городок с низкоэтажной застройкой. Но он пуст. Он слишком пуст для ближневосточного городка. Магазины и мастерские, кото-

рые должны шуметь, впускать и выпускать людей, закрыты, занавешены металлическими жалюзи.

На мотоцикле проезжает один из арабов, получивший хлеб в пекарне, — его черный длиннополый халат развевается по ветру.

Бойцы сил самообороны рассказывают, что среди убитых исламистов много «китайцев». Они наглядно показывают — растягивают пальцами глаза до узких щелок. Однако русскоговорящий доктор Хасан, который работает неподалеку в госпитале Красного Полумесяца, объяснил мне, что это — узбеки, или киргизы, или казахи, а может, туркмены. Доктор Хасан учился в Молдавии, в независимой республике Молдова, он лучше разбирается в национальностях. Бойцы сил самообороны, те, с кем я общался, дальше Сирии не выезжали, их знания в этнологии весьма посредственны. «Это из Средней Азии, я извиняюсь за выражение, весь мусор сюда понаехал, — рассказывал доктор Хасан. — Вы думаете, среди террористов много сирийцев? Очень и очень мало. Незначительная часть. В основном иностранцы».

Несколько добровольцев из Европы, воюющих на стороне YPG, рассказывают, что неоднократно слышали, как исламисты переговариваются в радиоэфире на английском. «Но те из убитых, кого я видел, — говорит один из иностранцев-добровольцев, — это арабы. Не сирийские. Слишком темные, кучерявые для сирийцев. Может быть, Ирак, может быть, Саудовская Аравия. Южные арабы. В любом случае курды-бойцы видели больше убитых, чем я». Иностранцы просят их не фотографировать, не спрашивать их национальность и имена. «У нас дома тоже отморозков хватает, понимаешь?» — объясняют они. Говорят, что среди исламистов очень много профессионалов, людей, понимающих, как грамотно вести боевые действия.

Как такового фронта нет. Одна деревня занята боевиками ИГ. Другая — силами самообороны. Третья может быть кем-то занята, может быть ничейная — это доложит разведка. Между деревнями пустые ровные поля, как скатерть.

Северная окраина Тель-Тамар — тыл. Сюда пригоняют танк Т-55. На башне затертые надписи. «У ДАИШ («аль-Дауля аль-Исламия фи эль-Ирак уа аль-Шам», арабская аббревиатура, обозначающая «Исламское государство») отбили», — гордо говорит боец по имени Мехмет. По его словам, у радикалов в этом районе 45—50 единиц различной бронетехники. У сил самообороны тоже есть «броня». Американский «хамви», советский МТЛБ, обвешанный толстыми листами железа бульдозер, к которому сверху приварена башня, в башне пулемет ДШК. Больше всего пикапов с установленными в кузове ДШК — «душка», как и в российской армии, называют этот пулемет курды.

Сидим с бойцами YPG возле трофейного танка и пьем чай. Они полагают, что исламисты идут в атаку, наевшись наркотиков. «Кричат „Аллах акбар“ и прут вперед, как ненормальные», — говорит Шилан. Шилан командует подразделением из 20 человек. Все ее подчиненные, кроме одной девушки, мужчины разного возраста. «Но если исламисты видят, что по ним стреляют женщины, — продолжает Шилан, — они начинают более разумно себя вести: прячутся, передвигаются перебежками. Они очень боятся быть убитыми женщинами. Ведь они же тогда в свой рай не попадут. И против женщин они более жестоко и настырно воюют, чем против мужчин. Наверное, хотят всех женщин убить, чтобы потом спокойно умирать, воюя против мужчин».

Над нами прокатывается гул от пролетающего самолета. «Американцы». Со стороны Тель-Шамиран долбит в небо зенитная установка. В ответ со своих позиций по радикалам открывают огонь курды. Самолет улетает не отбомбившись. Стрельба замолкает. Снова затишье. «Как результативность от „американских“ бомбардировок?» — спрашиваю. «Да по-разному, — отвечает боец из подразделения Шилан. — То нормально „кладут“ по цели. Как сегодня. Выдел дым, да? То мимо, в поле „накидают“. Но вообще недостаточно. Мало бомбят. Правда, у нас

авиации вообще нет, поэтому мы рады хоть какой-то авиаподдержке». Сирийская авиация и вообще правительственная армия дислоцируется на территории Джазиры. В крупнейших ее городах Камышлы и Хасеке есть базы сирийской армии, в Камышлы — база ВВС. Однако никакой поддержки силам самообороны правительство не оказывает.

Самое хитрое и подлое оружие радикалов — это смертники в машинах, начиненных взрывчаткой. Их необходимо уничтожать на дальних расстояниях. РПГ и «душка» — главное оружие курдского и ассирийского ополчений против них.

Солнце приближается к закату. Силы самообороны стягивают свою бронетехнику с передовой в тыл. Нам тоже пора ехать. Ближайшие 25 километров автодороги в сторону административного центра Джазиры города Амуда никем не контролируются. К ней по темноте могут выйти исламисты, обойдя Тель-Тамар по полям. Через 25 километров курдско-арабские деревни, на дороге есть посты местных ополченцев. Там уже безопаснее ехать по темноте.

Напоследок Шилан говорит мне: «Слушай, этот танк, — показывает на трофейный Т-55, — уж больно старый. Мы будем не против, если Россия нам новый какой-нибудь пришлет. Ты там скажи Путину, хорошо?» Другие бойцы согласно качают головами.

Я написал этот репортаж буквально за два часа, приехав из Тель-Тамар в Амуда. В России тогда и не понимали толком, что происходит в Сирии: кто за кого, зачем, почему. Я был первым русским журналистом, съездившим в Рожаву и написавшим о ней. Через полгода, когда российская армия зашла в Сирию, чтобы помочь правительству Башара Асада, в России появилась масса «экспертов по Сирии», ни разу в этой стране не бывавших, но рассуждавших очень и очень много. Появились отдельные «эксперты» и по Рожаве. Фактуру они брали из моих материалов, правда, ссылок не делали.

Сирийские курды и их союзники оказались самым эффективным инструментом в борьбе против ИГ. После месяца непрерывных, хотя и вялотекущих боев они отогнали радикалов от Тель-Тамар (при отступлении радикалы взорвали православную церковь Девы Марии в деревне Тель-Насри) и продолжили гнать их дальше на запад и на юг. Ассирийцы, присоединившиеся к курдам (отнюдь не все присоединились к ним, часть поддерживали президента Башара Асада и действовали совместно с правительственной армией), образовали Ассирийский военный совет (АВС). АВС вместе с YPG и YPJ участвовал в самых тяжелых боях против ИГ на территории Сирии.

ЧАСТЬ 4. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Операция по освобождению Мосула и окрестностей анонсировалась правительством Иракского Курдистана и федеральным правительством в Багдаде неоднократно. В течение 2015-го несколько раз, весной 2016-го, летом 2016-го. Наконец действительно началась 16 октября 2016-го. Она стала самой медиализированной битвой с начала XXI века.

В прямом эфире несколько телеканалов показывали, как в сторону Мосула двигается бронетехника, как взрываются артиллерийские снаряды и авиабомбы в его окрестностях, как улыбочивые иракские солдаты, полицейские и бойцы курдской пешмарги, показывая «V» (что у местных означает и «победа», и «свобода»), направляются в сторону передовой.

Две недели спустя иракцы и пешмарга освободили уже большую часть Ниневийской равнины. Но чем ближе они подступали к Мосулу, тем более упорной и вязкой становилась оборона радикалов. Подземные коммуникации, смертники на заминированных автомобилях («шахид-моби́ли»), эффективная работа снайперов — ИГ очень хорошо подготовилось к городской войне. Радикалы без особого сопротивления оставляли открытые пространства, но в городской застройке наносили существенный урон иракцам и курдам.

Спустя месяц иракские официальные лица резко сменили риторику и отказались от своих прежних обещаний «быстро и без больших потерь» освободить Мосул.

В первых числах декабря Девятая бронетанковая дивизия иракской армии попыталась с ходу отбить один из мостов через Тигр в Восточном Мосуле. Боевики позволили танкистам занять госпиталь Ас-Салям, а затем атаковали — «шахид-моби́ли» таранили скопления бронетехники, из тоннелей в здание врвались боевики. Среди этого хаоса американская авиация бомбила позиции иракских военных. Погибло не менее 200 правительственных солдат и офицеров, более 1000 были ранены. Выжившие отступили. За несколько часов интенсивного боя штурмовая группа перестала существовать.

19 января иракский генерал Абдул Амир Рашид Яралла сообщил, что полностью освобожден халдейский городок Тель-Кейф (ассирийское название — Тель-Кеппе) в 10 километрах к северо-востоку от Мосула. Его осада длилась почти три месяца. 23 января правительственные силы полностью отбили Восточный Мосул.

Самое сложное было впереди. Штурм Западного Мосула начался 19 февраля. Он продолжался пять месяцев. В начале марта, когда иракская армия и полиция пробивались в городские кварталы с юга, я смог увидеть штурм воочию.

Мой репортаж об этом:

ФЛАГ ИГ В ОБМЕН НА БЕРЦЫ

Пикап федеральной полиции Ирака, в котором уместилось семеро местных и иностранных журналистов, въезжает на южную окраину Западного Мосула. Этот район освобожден от боевиков ИГ около трех недель назад. Здесь полно военных и полицейских в расслабленных позах. Они сидят, откинувшись на стульях или в креслах, вытасненных из домов. Кто-то курит кальян, другие пьют чай. Гражданские пытаются налаживать свою обычную жизнь. Уже открылось несколько магазинчиков.

До линии фронта по прямой около двух километров. То и дело слышны разрывы снарядов, взрывы выпущенных вертолетами ракет. Поднимаются черные густые шлейфы дыма из районов, пока еще не освобожденных. На военных и гражданских это не производит совершенно никакого впечатления. Только у тех из журналистов, кто в первый раз приехал в Западный Мосул, лица становятся напряженнее. В остальном — рутина войны против ИГ. Снайперы и «шахид-моби́ли» радикалов за два километра отсюда, ты отделен от них плотной застройкой, узкими улицами и многочисленными постами правительственных сил — короче, они не вызывают опасений.

* * *

Разрушения, да, есть. Но они не выглядят настолько тотальными, как кажется, когда смотришь телевизионные сюжеты и фоторепортажи из Западного Мосула. Разумеется, журналисты намеренно делают акцент на разрушениях, и совсем незаметным остается огромное количество совершенно не тронутых боевыми действиями домов и зданий. Западный Мосул не похож на Грозный 1995-го. Есть от-

дельные дома с поврежденными крышами или стенами. Совсем немногие руинированы полностью. Разрушения в этой части города сопоставимы с разрушениями в Луганске летом 2014-го, когда его осаждала украинская армия.

Нынешняя тактика уличных боев иракских сил довольно проста — она копирует тактику американской и израильской армий. Наземные штурмовые группы двигаются вперед, проверяя по ходу дела здания, как только по ним открывает огонь противник, они останавливаются и закрепляются на позициях. Огневые точки боевиков начинает обрабатывать авиация, ударные вертолеты и штурмовики США и иракских ВВС, работает артиллерия, подъезжают броневики «хамви» и открывают интенсивный огонь из крупнокалиберных пулеметов. Гораздо реже используются танки — в Мосуле большинство улиц очень узкие, это затрудняет их использование и делает их достаточно легкими мишенями для боевиков ИГ. Когда огневые точки противника подавлены, продолжается движение дальше.

Однако боевики уже придумали свои контрмеры. Им удается сдерживать движение правительственных подразделений усилиями буквально 3–5 человек в течение часов, а то и целого дня. 2–3 снайпера обстреливают штурмовые группы. Меняют позиции, как только по ним открывают огонь авиация и артиллерия. Штурмовые группы начинают двигаться вперед и снова оказываются под обстрелом — они вынуждены остановиться. Боевики перемещаются от дома к дому через проломы в стенах. Заметить их с воздуха чрезвычайно трудно. Использование «шахид-мобилей» вызывает замешательство среди иракцев на час, иногда больше. Взрывы пары «шахид-мобилей» с разницей в час приведут к длительной заминке в наступлении.

Боевики, кстати, в недавнее время усовершенствовали конструкцию «шахид-мобилей» — теперь они закрываются снаружи, а не изнутри. У водителя-смертника не остается выбора — только двигаться к цели и взрываться, выскочить из машины он уже не может. Есть и другое усовершенствование. Чтобы свободно перемещаться по улицам, они теперь натягивают между крышами домов полотно. Эффективность авиаразведки сразу уменьшается в разы. Еще одно новшество — трупы своих убитых боевики стараются сжечь либо обезобразить их лица, чтобы невозможно было идентифицировать. Я сам видел четыре подобных трупа во дворах домов. Несмотря на то, что погибли те радикалы во время стрелкового боя, головы их были обгоревшими до костей, походили на черные головешки. Однако никаких следов ожогов на телах и одежде не было.

* * *

Как только журналисты выгружаются из пикапа, чтобы направиться в сторону передовой, полковник федеральной полиции, ответственный за работу СМИ в Мосуле, напоминает: «Никаких фотографий и интервью, если встретите военнослужащих США». Ограничений на фотографии и интервью с иракскими военными и полицейскими нет. С представителями каких-либо других стран — тоже. Хотя есть ли эти самые «представители других стран» в районе передовой — только слухи. Главным образом в наземных операциях против боевиков ИГ в Мосуле задействованы иракцы и американцы. К отдельным операциям привлекаются спецподразделения вооруженных сил Иракского Курдистана. Выполнив определенную задачу, курды возвращаются на свою базу, на передовой они не остаются.

Проворные иракские военные наладили свои дела с американцами. У тех можно добыть дефицитные для армии Ирака вещи. Например, новые отличного качества берцы. Сержант Ала — англоговорящий, поэтому ему доводится быть посредником в подобных делах. «Я приехал в Мосул с пустым рюкзаком. Теперь, смотри, у меня уже две сумки разных вещей. Все — американское», — с гордостью делится он своими бартерными успехами. Иракцы могут купить для солдат США то, что тем необходимо на базарах или на «черном рынке». Дальше уже идет торг — сколько американцы готовы заплатить или что обменять на нужные

вещи. «За один флаг ИГ я получил с одного американца две пары новых берц, аптечку и вот, — Ала показывает старенький ноутбук „Aser“. — Только не могу понять, по-моему, он не работает». Позже выясняется, что ноутбук действительно не работает и иракский сержант решает в следующий раз вернуть его американцу и получить что-нибудь еще из снаряжения.

В середине марта я уехал из Ирака. Освобождение города продолжалось в том же темпе, какой я описал в статье. Наконец в июне армия и полиция приступили к штурму Старого города. Старый город — это средневековая ближневосточная застройка: узкие проходы между домами, куда не протиснется бронетехника, улочки извиваются подобно лабиринтам, глухие, без окон, стены. Вот там уровень разрушений был не меньше, чем в Сталинграде. Артиллерия и авиация просто сносили Старый город.

10 июля премьер-министр Ирака Хайдер аль-Абади объявил о полном освобождении Западного Мосула. Правда, бои в Старом городе продолжались еще неделю. В августе и сентябре иракским военным удалось поймать боевиков ИГ, которые скрывались в старинных городских катакомбах. В сентябре была ликвидирована группа боевиков, которая пряталась в болотистой местности неподалеку от Мосула.

В конце сентября я снова приехал в Ирак. Как написал выше, моей целью были ассирийцы и референдум в Иракском Курдистане.

В первых числах октября я поехал в город Бахдида, находившийся в той части Ниневийской равнины, которую контролировало федеральное багдадское правительство.

ИРАКСКИЕ ХРИСТИАНЕ: ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Город трех названий — Бахдида, Каракеш, Хамдания. Он считается главным центром иракских христиан. Во время оккупации ИГ местные церкви использовались боевиками в качестве тренировочных центров. В монастырях устраивались оборонительные позиции. Не осталось ни одного дома, который не пострадал бы в той или иной степени от радикалов. Полгода назад город был пуст. В нем находились лишь несколько военных и полицейских постов.

* * *

Православный монастырь Мар Юханна Макртая на окраине города Бахдида боевики «Исламского государства» использовали в качестве своей базы. Под холмом, на котором находились самые старые, VII века, постройки монастыря (их боевики уничтожили, как многие захваченные христианские святыни), были выкопаны тоннели. Тоннели вели к выходам на наблюдательные посты и огневые позиции. Сегодня огневые позиции разрушены. Иракская армия штурмовала Бахдиду во второй половине октября 2016 года — в самом начале операции по освобождению Мосула.

Тем не менее и сегодня в тоннелях в комнатах, где прятались террористы, можно увидеть матрасы и различные предметы быта, которыми они пользовались. Подземные коммуникации, выкопанные радикалами, тянутся на четыре километра вокруг города. Входы в них теперь охраняет ассирийское ополчение «Части защиты Ниневийской равнины» (ополченцы пользуются английской аббревиатурой NPU, Nineveh plain protection units, для обозначения своего формирования).

Кроме Бахдида, NPU обеспечивает безопасность в близлежащем городке Карамлес, где проживают преимущественно ассирийцы, принадлежащие к Халдейской католической церкви, и городе Бартелла в 10 километрах к востоку от Мосула, там большинство населения также составляют христиане — православные и католики ассирийцы.

ГЛАВНОЕ, ЧТОБЫ СНОВА ЗАРАБОТАЛИ ШКОЛЫ

Бахдида — ассирийское название города. У него есть еще два названия: арабское Хамдания и турецкое Каракош. После того как Ниневийская равнина стала частью Османской империи, у Бахидиды появилось турецкое название. В 1970-е годы власти Ирака, проводя политику принудительной арабизации, переименовали город в честь арабского племени Бану Хамдан, которое правило в Мосуле в средневековье. И сегодня, чтобы объяснить таксисту туркоману или курду, куда вам надо, то лучше использовать название Каракош, а с арабским водителем — Хамдания.

Бахдида — один из старейших населенных пунктов на Ниневийской равнине, где некогда существовало Ассирийское царство. В Библии она упоминается под названием Ресен. В первой книге Моисея в главе 10 есть стих: «И Ресен между Ниневию и между Калахом; это город великий». До лета 2014-го «город великий» населяло около 60 тысяч жителей.

Большинство из них — прихожане Сирийской католической церкви. Вторая по численности община — последователи Сирийской православной церкви. Эта община значительно уменьшилась после американской оккупации Ирака в 2003 году — когда начались преследования христиан фанатиками-исламистами. До оккупации православные ассирийцы составляли 30 процентов горожан.

NPU взяло на себя функции по обеспечению безопасности ассирийского населения Ниневийской равнины с октября 2016 года, когда завершилось освобождение равнины от боевиков ИГ. Структурно оно входит в состав иракской армии — зарплату ополченцам выплачивает багдадское правительство. Действует оно лишь в той части равнины, которая контролируется федеральным правительством Ирака. Почти половина региона находится под властью автономии Иракский Курдистан. Курды не позволяют NPU дислоцироваться на своей территории.

Командует ассирийским ополчением полковник иракской армии Джуад Хабиб. Пожилой, аскетичный человек с очень печальными глазами. Фактически, кроме военной власти в Бахдиде, ему принадлежит и роль главы гражданской администрации. Хотя формально гражданская администрация существует, возвратившиеся в город жители приходят с просьбами и нуждами именно к Хабибу.

«До захвата Бахдиды в августе 2014-го здесь проживало около восьми тысяч семей. Некоторые из них — беженцы-христиане из других регионов Ирака, которым пришлось покинуть дома из-за угроз исламских радикалов. Жители начали возвращаться в Бахдиду в июне этого года, когда военная операция в Мосуле почти закончилась, — рассказывает полковник Хабиб. — Сегодня в Бахдиде проживает 2800 семей. Их дома мы уже смогли обеспечить централизованным электро- и водоснабжением. Наша главная задача сейчас — возобновить работу школ. Для многих жителей, которые еще не вернулись, важным стимулом для возвращения является то, что они смогут отдавать здесь детей в школы».

До оккупации боевиками ИГ Бахдида являлась очень богатым городом. Даже если просто прогуляться по городу, осмотреть его дома и здания, то становится ясно, что жители были весьма состоятельными по иракским меркам. Большие двух- и трехэтажные частные дома (одноэтажных почти нет), многоэтажные торговые центры и ночные клубы, новые церкви в модном нынче в Европе стиле русского конструктивизма. Почти каждая семья имела собственный магазин. Именно в Бахдиду до лета 2014-го, до прихода ИГ, приезжали арабы и курды из Мосула, чтобы покупать алкоголь и посещать ночные клубы. Арабы и теперь приезжают за алкоголем, но им запрещено оставаться после восьми часов вечера. Такковы требования NPU в целях обеспечения безопасности.

В целом в городе постепенно восстанавливается торговая деятельность. Уже работают несколько десятков продуктовых магазинов. Центральный базар, хотя и уступает своим масштабам тому, каким он был до лета 2014-го, уже действует.

Для любого ближневосточного города — это один из важнейших показателей. Базар — живое сердце любого населенного пункта на Ближнем Востоке. Если оно бьет-ся бесперебойно, значит, вокруг него будут жители, будет постепенное процветание.

«Все дома были разграблены боевиками ИГ, — рассказывает местный житель 27-летний Давид. — Ни одного не уцелело. Что террористы не смогли утащить, то сожгли». Действительно дома, в которые жители еще не вернулись, в копоти. В комнатах и хозяйственных постройках пепелища от сожженных вещей. По словам полковника Хабиба, в городе полностью разрушены 128 зданий. 2400 повреждены в той или иной мере и нуждаются в ремонте.

Постоянно слышатся хруст разбитого стекла и чирканье по бетону лопат из домов, где недавно вновь появились обитатели. Жители наводят порядок. Коммунальные службы уже работают, но не успевают вовремя убирать многочисленные кучи оставшегося после оккупации ИГ мусора. Кучи скапливаются на тротуарах. «Ничего страшного, — комментирует Давид. — Это признак того, что жизнь восстанавливается. Постепенно, шаг за шагом, мусор будет весь убран, а на улицах по вечерам будет полно освещения и людей. Как раньше — до ИГ».

РАССТРЕЛЯННЫЕ БОГОМАТЕРИ

Церкви, так как они являются самыми пышными и большими зданиями в городе, боевики использовали для размещения своих штабов и учреждений. В сирокатолической церкви Непорочности, одной из старейших в городе, размещался тренировочный центр. До сих пор на стенах остаются надписи на арабском с лозунгами ИГ и нарисованные от руки флаги террористической организации.

Христианские изображения боевики использовали в качестве мишеней для стрельбы. В стенах церкви застрявшие пули разного калибра. У статуи Богоматери отстрелена голова. Самая большая икона с изображением Богоматери тоже расстреляна. Колокольня взорвана, кресты с куполов сбиты. Это был принципиальный момент для боевиков: свергнуть с куполов и крыш все кресты и взорвать колокольни.

Мажид Петрос 30 лет следил за порядком и чистотой в церкви Непорочности. Теперь он завешивает ковриками с изображением Христа или Богоматери истрелянные стены. Пока он наводит порядок один — священник еще не вернулся. Иногда приходит его сосед, чтобы помочь. «Службы пока у нас тут нет, но ничего — будет. Наведем порядок, и люди будут у нас снова молиться. Главное — город освободили от террористов, МашАлла», — говорит Мажид. Жители России привыкли, что выражения вроде «ИншАлла», «МашАлла», «о, Алла» относятся исключительно к исламу. Однако на Ближнем Востоке имя Бога и у мусульман, и у христиан одно и то же — Аллах. Поэтому выражениями вроде «ИншАлла» (Дай Бог), «МашАлла» (Слава Богу) пользуются и те, и другие.

Церковь Мар Бехнам и Сара была построена в 2008 году. Изящное здание, вмещавшее несколько сотен прихожан. Ее колокольню радикалы разрушили направленным взрывом, чтобы не повредить само здание и окружающий каменный забор. Внутри церкви боевики использовали для обогрева печи соборя (типичные для Ближнего Востока печи, отапливаемые бензином). Из-за этого потолок и стены в толстом слое копоти. Кресты и изображения святых в пулевых отметинах. Постройку, в которой располагалась церковная лавка, боевики использовали для содержания животных. В бывшей лавке, хотя ополченцы NPU ее отмыли, до сих пор не выветрился запах хлева.

Тем не менее с июня пять сирокатолических церквей были восстановлены и очищены. Сейчас там возобновились утренние и вечерние службы. В церкви Мар Жина на вечернюю службу собираются десятки прихожан. Преимущественно женщины. Настоятель церкви отец Юханна говорит в своих проповедях в основном о том, как преодолевать душевные и материальные утраты, старается зарядить лю-

дей энтузиазмом. Проповедь проходит в форме вопросов прихожан и ответов настоятеля. Своеобразный сеанс коллективной психотерапии.

А вот двери православного собора Мар Гиваргис по-прежнему закрыты. В город вернулось не более 15 православных семей. Православные в Бахдиде были среди самых состоятельных. Те из них, кто не уехал в Европу, Австралию или США с 2003-го до оккупации ИГ, решились на эмиграцию после прихода ИГ. Финансовые возможности у них для этого есть.

«СВАДЬБЫ ИГРАЮТ — ЗНАЧИТ, ЖИЗНЬ ВОССТАНАВЛИВАЕТСЯ»

Вечером в воскресенье по улицам, где снова горят огни, но еще лежат в руинах отдельные здания и церкви, сигналя и мигая фарами, едут семь внедорожников. Это отмечают очередное венчание в Бахдиде. Жених Сарман и его невеста Идель познакомились, когда в городе еще властвовали террористы. Сарман жил тогда в Айнкаве, христианском пригороде Эрбиля, столицы Иракского Курдистана. Идель — родом из Алькоша, ассирийского города на Ниневийской равнине, который ИГ не смогло захватить.

«У нас тут скромно. Венчание празднуем вообще не в моем доме, а в доме моего родственника, — рассказывает отец жениха Гиваргис. — Мой дом сожгли. Его еще надо восстанавливать. Но стены целы, крыша цела — восстановим».

До захвата города боевики, уже занявшие Мосул, звонили Гиваргису и предлагали ему безопасность, если он заплатит «джизию» — налог для немусульман. Он с семьей успел покинуть Бахдиду за семь часов до прихода боевиков.

История о том, как крупнейший христианский город Ирака попал под власть ИГ, во многом похожа на историю падения Мосула. Мосул, по до сих пор неизвестным официально причинам, был покинут иракской армией и полицией в считанные часы. Жителей города о своей эвакуации военные не проинформировали.

С тех пор как американцы вошли в Ирак в 2003-м, безопасность в Бахдиде обеспечивали курдские военизированные формирования пешмарга. По неизвестным причинам в 10 часов вечера 5 августа 2014-го пешмарга оперативно покинула город. Но так как Бахдиде все-таки значительно меньше по масштабам, чем Мосул, жители быстро узнали, что остались без защиты. Начался спешный исход в сторону Эрбиля. Многие поселились впоследствии у родственников или друзей в Айнкаве. Другие покинули Ирак, чтобы больше не возвращаться.

«Я никуда отсюда не хочу уезжать, — говорит Гиваргис. — Это наша, ассирийская, земля. Я хочу, чтобы мои дети и внуки тоже здесь жили. Уедем отсюда и будем вечными чужаками где-то далеко. Зачем это нужно? После того как в Бахдиду начали возвращаться жители, здесь было сыграно не меньше десяти свадеб. Раз свадьбы играют — значит, жизнь восстанавливается». После некоторой паузы он добавляет: «Все будет хорошо у нас, ИншАлла».

ТОЛЬКО МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНТРОЛЬ СПАСЕТ АССИРИЙЦЕВ

Из Бахдиды в сторону Эрбиля я уезжал на попутке. Дело случая — кто подберет. Подобрал уроженец Бахдиды Имад, который получил гражданство США 20 лет назад. «В США я работаю, там родились и живут мои дети. В Бахдиде у меня родители жили до прихода ИГ. Сейчас снова сюда вернулись около месяца назад», — рассказывает Имад, пока мы едем мимо контрольно-пропускных пунктов иракского шиитского ополчения «Хашд аш-Шааби», курдской пешмарга, мимо до сих пор разрушенных и необитаемых деревень Ниневийской равнины.

Имад был в городе 5 августа 2014 года. Он с родителями покинул город в 2:40 ночи 6 августа. Спустя полтора часа на опустевшие улицы въехали несколько внедорожников с боевиками ИГ. «Мой сосед решил остаться. У него было стадо в 15 коров. Он не захотел его бросать. Боевики отрубили ему голову», — говорит Имад. В городе осталось еще несколько человек — очень пожилые люди, у кото-

рых не оказалось рядом родственников, которые могли бы их вывезти. «На соседней улице жили две сестры — им за 60 лет. Их, кстати, боевики не тронули. Вообще ничего им не сделали, даже не заставили религию сменить. Сначала многие радикалы из ИГ приезжали в Бахдиду из Мосула просто пограбить наши дома. Потом решили уже, что надо оборудовать в городе свои базы и тренировочные центры», — пересказывает американский ассириец истории редких очевидцев.

«Как думаете, есть у ассирийцев шансы на будущее здесь, в Ираке?» — спрашиваю его. Он на меня долго и пристально смотрит, как будто я спросил какую-то глупость. «Какие шансы? Этот бардак в Ираке никогда не закончится, — отвечает Имад. — Мои дети, например, ненавидят Ирак. Я их звал несколько раз навестить дом предков, увидеться с бабушкой и дедушкой. Но они боятся этой страны, боятся ее людей. Они ни одного слова не знают ни по-ассирийски, ни по-арабски. Для них родной язык уже — английский. Ассирийцев да и другие меньшинства Ирака спасло бы создание автономий под контролем ООН, европейских стран, США. Только международный контроль над нашими городами и селами спасет ассирийцев. Но это невозможно. Ни курды, ни арабы на такое решение не согласятся».

На контрольно-пропускных пунктах Имад даже не показывает документы. Он говорит, что христианин и едет из Хамдании (Каракоша) в Эрбиль. Этого достаточно — военные показывают жестами, чтобы ехал дальше.

Порассуждав на тему будущего ассирийцев, водитель вдруг говорит поразительную фразу. Поразительную потому, что ее говорит гражданин США. «При Саддаме было спокойно. Никто тебя не трогал за твою веру. Никаких взрывов, террористических атак, никаких исламских радикалов. Жаль, что Саддама свергли», — говорит гражданин страны, которая в 2003 году свергла режим Саддама Хусейна.

ЧАСТЬ 5. РЕФЕРЕНДУМ

Курды — самый многочисленный народ в мире, не имеющий собственного государства. Численность их составляет, по разным оценкам, от 20 до 40 миллионов человек. Они проживают в областях на стыке границ Турции, Ирака, Ирана и Сирии. Ближе всех к созданию независимого государства подошли иракские курды — после американского вторжения 2003-го.

Вооруженные формирования пешмарга иракских курдов являлись главными союзниками армии США по ходу свержения режима Саддама Хусейна. Курды сами и совместно с американскими подразделениями очистили от войск Саддама весь север страны. Именно тогда под власть пешмарги попали районы, где компактно проживают ассирийцы, езиды и туркмены. Они не относились к автономии Иракский Курдистан, которую признавал режим Саддама Хусейна.

На первых порах меньшинства приветствовали приход курдов. Но скоро им пришлось столкнуться с их национализмом. Особенно яростными националистами являлись члены «Демократической партии Курдистана» (ДПК). Ее возглавлял Масуд Барзани. В 2005-м его выбрали президентом автономии Иракский Курдистан.

Сама автономия оказалась поделена между двумя влиятельными кланами. Северная половина (провинции Дохук, Эрбиль, районы Ниневийской равнины, населенные ассирийцами и езидами, и езидский анклав Шангал возле сирийской границы) оказались под контролем клана Барзани. Южная половина (провинции Сулеймания и Халабджа) — под кланом Талабани и его «Патриотический союз Курдистана».

Столицей автономии был признан Эрбиль, поэтому правительство формировалось в основном из членов клана Барзани и их сторонников. Клан Талабани полу-

чил право представлять интересы региона в федеральных органах власти: они заполняли квоту на курдов в парламенте и правительстве страны.

У каждого клана — своя пешмарга, подчиняющаяся исключительно его приказам. На границах между зонами влияния — контрольно-пропускные пункты.

Клан Талабани больше ориентировался на дружбу с Ираном и Россией. Барзани — на Турцию и США. Клань между собой враждовали. Иногда доходило до вооруженных столкновений.

В Сулеймании порядки были более светские и более терпимые к некурдскому населению. Масуд Барзани копировал турецкого президента Реджепа Эрдогана: строил националистический исламский режим. Правда, в отличие от Турции Эрдогана в регионах под властью ДПК коррупция просто зашкаливала. Через 10 лет после освобождения от Саддама рядовые курды в приватной беседе признавались, что «такого бардака Саддам не допустил бы».

Иракский Курдистан за 10 лет сформировал полноценный государственный аппарат, самостоятельно занимался экспортом нефти (ДПК вывозила нефть в Турцию, ПСК — в Иран), создал свои органы безопасности и вооруженные силы, выдавал свои визы. По сути, единственное, что его связывало с остальным Ираком — общие паспорта и общие деньги, иракские динары.

Чтобы провозгласить себя независимым государством, необходимо было договориться кланам Барзани и Талабани, а затем убедить соседей, что независимый Курдистан им будет выгоднее, чем единый федеральный Ирак.

Летом 2014-го иракская армия и полиция вслед за Мосулом без боя оставили Киркук. К городу приближались отряды ИГ. Киркук и близлежащие нефтяные месторождения оперативно успела занять пешмарга. Подошедших радикалов ИГ отогнали. После чего экспорт курдской нефти вырос на 40 процентов.

Весной 2017-го после длительных переговоров между ДПК и ПСК Масуд Барзани объявил, что 25 сентября пройдет референдум о независимости Иракского Курдистана. Иракская армия в это время увязла в битве за Мосул, несла большие потери. Чиновники из Багдада сделали гневный окрик вроде «чего надумали, какая независимость, надо ИГ добивать». А что еще они могли сделать? Силового ресурса у них не имелось.

Иракский Курдистан готовился к голосованию, попутно пытаясь убедить соседей и, особенно, США, чтобы они поддержали создание курдского государства. Не убили. В день голосования курды оказались одни перед избирательными урнами. За их спинами не стояли другие нации. К тому же иракская армия завершила операцию в Мосуле — у Багдада появился кулак, чтобы погрозить или дать подзатыльник.

Мой репортаж, о том, как отнеслись к референдуму этноконфессиональные меньшинства автономии, назывался

КУРДСКИЙ РЕФЕРЕНДУМ: НЕЗАВИСИМОСТЬ БЕЗ НЕЗАВИСИМОСТИ

Прошедший 25 сентября референдум о независимости автономного региона Иракского Курдистана не принес никаких сюрпризов. Ситуация выглядела вполне предсказуемо: курды проголосовали за создание своего государства, их осудило федеральное иракское правительство в Багдаде и соседи Иран, Турция и Сирия (потому что у них тоже живут значительные курдские общины). Однако, несмотря на гневную риторику, ни Турция, ни Иран никаких вооруженных действий против иракских курдов не предприняли. Потому что с автономным регионом их связывают взаимные экономические интересы: курды активно вывозят нефть, а взамен получают иранские и турецкие продукты. За общим медийным фоном референ-

дума остались почти незаметны те жители Иракского Курдистана, которые не хотят жить в независимом курдском государстве.

В преддверии референдума Иракский Курдистан накрыло «цунами флагов». Никогда еще в автономии не было такого количества курдских красно-бело-зеленых с желтыми солнцами знамен. Магазины, школы, местные администрации, автомобили, велосипеды, рюкзаки — все, к чему можно прикрепить ткань или флажок, попали под это «цунами». На втором месте по популярности оказались плакаты с цифрами 25—9 (25 сентября, дата референдума). В целом в подавляющем большинстве районов автономного региона царило приподнятое настроение. Такого воодушевления среди местных жителей не было даже в период, когда происходило освобождение Мосула и его окрестностей от боевиков «Исламского государства» в конце 2016-го — в первой половине 2017 года.

«Это наш шанс. — говорил мне 23-летний житель провинции Дохук по имени Нарчиван. — Мы должны получить независимость. Жить дальше с арабами невыносимо. Они нас предали». Нарчиван не один такой — среди иракских курдов преобладает мнение, что референдум их против в первую очередь, а не за. Против существования в одном государстве с арабами, главным образом. Создание собственного национального государства — на втором месте. Конечно, в официальных заявлениях первых лиц Иракского Курдистана этого не услышишь. Они чаще говорят об «исторической несправедливости в отношении курдов», о «противоречиях с федеральным правительством» и «праве на самоопределение в соответствии с конституцией».

«Когда был Саддам Хусейн, арабы нас притесняли. В Халабдже в 1988 году бомбили нас даже химическим оружием. Когда появился ДАИШ, арабы-сунниты его поддержали. ДАИШ убивал курдов, убивал езидов. Кого арабы не убили, тех выгнали из собственных домов в Мосуле и в окрестностях Мосула. До 2014 года большинство жителей восточной части Мосула, например, были курдами. После такого жить дальше с арабами невозможно», — таков вкратце перечень претензий курдов к арабам в изложении жителя Эрбиля Лукмана Менмуста. Ему 27 лет, женат, воспитывает двухлетнюю дочь. Показывает на телефоне фотографии жены и дочери — у них в руках флаги автономии. В день референдума Лукман прислал мне фотографию: он с семьей на участке для голосования — у всех троих курдские флажки.

МЫ — ИРАКЦЫ

«Цунами флагов» разбилось о христианский городок Алькош. Лишь слегка «окропило» его: там флаги Иракского Курдистана присутствовали только над частью, где дислоцированы бойцы курдского военного формирования пешмарга, и зданием местной администрации.

Алькош походил на суровый неприступный остров в море приближавшегося референдума о независимости. Местные жители не устраивали митингов и демонстраций против референдума, но и не выказывали никакой поддержки ему. Молчаливое сопротивление, крепко сцепив зубы.

Население Алькоша состоит исключительно из ассирийцев, принадлежащих к Халдейской католической церкви. Над городком, крепко вмурованный в серый склон горы, расположен старинный монастырь Раббан Хормизд. Сам основатель монастыря — Раббан Хормизд — является одним из самых почитаемых святых для халдеев. А монастырь, основанный им, один из старейших на Ближнем Востоке. Сегодня монахи в нем не живут, хотя в лучшие времена его населяли 1200 монахов.

Охраняют монастырь служащие иракской федеральной полиции. Один из полицейских, Ильхаб Малан, сносно говорящий на английском, устраивает мне и фотографу из России экскурсию. Его коллеги охраняют въезд на склон к монастырю. Сам Ильхаб занимается охраной непосредственно монастырских помещений.

«Я тут большей частью времени один. Туристов мало, посетителей мало. Редко кто сюда заезжает. Служба в монастыре, как правило, лишь один раз в год — в день памяти Раббана Хормизда. Тогда сюда съезжаются халдеи не только из Ирака, со всего мира. Я тут хозяйством занимаюсь, чищу, мою, размышляю. Почти как монах», — делится Ильхаб тонкостями своей службы.

В прошлые века монастырь много раз разграблялся шайками курдских разбойников. Последние подобные нападения относятся к середине XIX века, но о них по-прежнему помнят. Вообще у ассирийцев довольно хорошо сохранилась память о притеснениях, которые им приходилось испытывать от курдов.

«Мы помним, как наши предки страдали здесь за свою веру сто лет назад», — говорит другой житель Алькоша Ренан. Он не упоминает конкретно курдов, но тем, кто знает исторический контекст, понятно. Жители халдейского городка не говорят прямо незнакомому иностранному журналисту, что они против референдума. Но они и не проявляют такого воодушевления, как курды.

Курды, говоря о своей автономии, употребляют: у нас в Курдистане, мы — курды, наше государство — Курдистан. Жители Алькоша употребляют совершенно другой набор: мы — иракцы, у нас в Ираке.

«Вообще-то наш город является спорной территорией, — рассуждает Ильхаб, пока мы ходим из пещеры в пещеру, которые вырубали в горе монахи монастыря Раббан Хормизд. — Алькош находится на самой восточной окраине Ниневийской равнины. Ниневийская равнина — христианская территория. Тут во времена до свержения Саддама жили в основном ассирийцы — католики и православные. Потом началась нестабильность, многие уехали. Курдские районы от нас отделены горами». С точки зрения Багдада Алькош относится к провинции Ниневия. С точки зрения правительства Иракского Курдистана — это часть провинции Дохук, которая входит в состав автономии.

Правопорядок в городке охраняют одновременно и курдская пешмарга, и федеральная полиция. Столкновений между ними не происходит. И там, и там служащими являются исключительно местные уроженцы. Из-за слабости федерального правительства администрацию в городе навязывает Эрбиль. В буквальном смысле — навязывает. В июле этого года, после назначения даты референдума, по решению правительства Иракского Курдистана был снят со своего поста мэр, которого ранее выбрали местные жители. На его место была назначена активистка из «Демократической партии Курдистана». Местные жители несколько раз собирали митинги против ее назначения. Но федеральное правительство никакой реальной помощи алькошцам не оказало, а самим жителям, чтобы дальше отстаивать свои права, надо было переходить к более радикальным действиям — это могло довести до кровопролитий. Сегодня административная власть в Алькоше принадлежит ДПК.

ГОЛОСА ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ

Этнорелигиозные меньшинства не составляют очень весомой доли среди населения Иракского Курдистана. Кроме ассирийцев, в автономии живут арабы, туркмены, курдоговорящие шабаки, какаи и езиды. Сколько всего сейчас жителей в автономии, достоверно неизвестно. Во-первых, в составе автономии в 2014-м и в ходе операции по освобождению Мосула осенью 2016-го оказались ряд районов, которые относятся к другим регионам Ирака. Во-вторых, количественно и этнически состав населения претерпел изменения за счет беженцев из арабских областей: курдов, христиан, представителей других меньшинств, чьи города и села попали под контроль ИГ в 2014 году.

Официально правительство автономии оценивает численность своего населения в 5,2 миллиона граждан. Подавляющее большинство — курды, исповедующие

суннизм. Они-то больше всего и ратуют за «отделение от арабов». Ассирийцы насчитывают порядка 200 тысяч человек. Не менее 250 тысяч человек община езидов.

Курды считают езидов частью своего народа, хотя сами езиды позиционируют себя в качестве отдельного этноса (говорят они на курдском языке, но их религия не относится к исламу и является самостоятельной). Главная езидская святыня — храмовый комплекс Лалеш — находится в глубине горной местности Иракского Курдистана. Рядом город Шейхан, который до свержения Саддама Хусейна населяли преимущественно езиды. Сегодня они составляют чуть ли не меньшинство (точных оценок нет). Не меньше половины жителей, по их собственным словам, составляют переселившиеся курды-сунниты. Шейхан, как и большинство населенных пунктов автономии, обильно драпирован национальными флагами и плакатами с призывами участвовать в референдуме и голосовать за независимость.

Езиды еще более осторожны, чем христиане. Они дежурно отвечают, что «да, надо голосовать за независимость». От их ответов складывается впечатление, что они хотят, чтобы от них поскорее отвязались. Нет того эмоционального надрыва, желания порассуждать, почему именно нужна независимость и как ее использовать, как у курдов.

Пожилой езид Сами живет не в самом Шейхане, а в близлежащей деревне. Он тоже дежурно сообщает про необходимость голосовать за независимость. Но ему, видимо, очень хочется выговориться. Поэтому он продолжает: «Вообще, конечно, при Саддаме такого бардака не было. Ну и что, что у нас при нем не было мобильных телефонов. Зато друг друга не резали и не убивали. Я мог хоть на обочине дороги лечь спать, и меня бы не ограбили и не убили. Сейчас, если ты курд, лучше не появляйся в арабском районе Ирака, если араб, лучше не суйся к курдам. Нам, езидам, вообще лучше никуда не лезть. Курды говорят, что мы свои, но не уважают наших верований. Считают людьми второго сорта».

Более откровенны езиды, живущие за границей. Например, живущий в России езид Рустам Рзгоян, редактирующий одно из русскоязычных изданий этого меньшинства, говорит, что его единоверцы в Иракском Курдистане просто запуганы. «В августе 2014-го геноцид езидов на севере Ирака произошел по вине пешмарга ДПК. Они уверяли, что никогда не бросят езидов, будут надежно обеспечивать их безопасность. Однако в начале августа пешмарга тихо и незаметно покинула Шангал, и туда зашли боевики «Исламского государства». Боевики убили тысячи езидов, тысячи попали в рабство к исламистам, сотни тысяч стали беженцами. Езиды загнаны и забиты, разрозненны, нет сильных лидеров. Они не поддерживают референдум в Ираке, потому что курды к ним относятся еще хуже, чем арабы. Но боятся об этом открыто заявлять, боясь гонений», — уверен Рзгоян.

Схожая история с туркменами — они населяют треть кварталов в Киркуке. За них против референдума высказываются турецкие власти. Турки и туркмены, живущие в Ираке, по сути, являются одним этносом.

Права арабского населения, оказавшегося на территории автономии, заявившей о желании стать независимым государством, пытается защищать Багдад и страны Лиги арабских государств. Но их усилия не идут дальше заявлений.

Превалирующая позиция меньшинств внутри Иракского Курдистана — их устраивает формат Федеральной Республики Ирак. Что касается ассирийцев и езидов, они бы хотели получить свои автономии внутри Ирака. И те и другие ссылаются на 140-ю статью государственной конституции, которая дает право меньшинствам на создание таких территориально-административных образований. Но кажется, их совершенно не слышат ни президент Иракского Курдистана Масуд Барзани, ни его правительство. Активно выступая за право курдов на самоопределение, правительство автономии напрочь игнорирует право на самоопределение своих некурдских сограждан.

Всего я написал три репортажа о референдуме: подготовка, день голосования и вот этот, суммирующий настроения местных жителей и поведение властей Иракского Курдистана. Благодаря им я с лихвой отбил затраты на поездку в Ирак.

Никто из курдов, с кем я общался на избирательных участках 25 сентября, не верил, что сразу после оглашения результатов референдума Барзани объявит независимость. Голосование воспринимали как первый шаг к тому, чтобы в скором времени договориться с мировым сообществом о создании независимого Курдистана. В наше время мало объявить себя независимым, надо чтобы твой суверенитет признали «ведущие мировые державы». И вот с признанием у Барзани были серьезные проблемы. Это создавало условия для жесткой реакции со стороны Багдада.

ЧАСТЬ 6. НАДЕЖДА

Представители России, США, Турции и Ирана выступили за сохранение территориальной целостности Федеральной Республики Ирак. Представители Израиля, включая премьер-министра Беньямина Нетаньяху, заявляли, что курды имеют право на собственное государство, заслужили его. Но что такое Израиль на Ближнем Востоке? Лучше бы израильтяне вообще промолчали, а то лишь разозлили курдских соседей.

В общем, когда в Эрбиле официально озвучили результаты голосования, Багдад ответил, что «предпримет усилия для восстановления конституционного порядка». Среди курдов и арабов появились слухи, что иракская армия попытается отбить Киркук и его нефтяные окрестности. Это действительно была самая очевидная цель для «восстановления конституционного порядка» — там под землей настоящее нефтяное море. Поэтому после референдума я поехал в Киркук и выяснил на месте, что

КИРКУК ВОЙНЫ НЕ ЖДЕТ

С пятницы Турция намерена закрыть единственный пограничный переход с Иракским Курдистаном. Багдад грозит ввести свои войска в районы Иракского Курдистана, где проживает этнически смешанное население. Представительство ООН в Эрбиле прорабатывает план возможной эвакуации своих сотрудников. Все это стало следствием прошедшего в минувший понедельник референдума о независимости Иракского Курдистана. О том, какова обстановка в городе Киркук, который может стать основным эпицентром столкновений между курдами и багдадским правительством, в нашем репортаже.

Правительство автономного региона Иракский Курдистан обещало объявить итоги референдума, прошедшего 25 сентября, через три дня после голосования. Получилось раньше на один день. В минувшую среду, когда курдская Высшая независимая комиссия по референдуму и выборам объявила итоги голосования, последовали один за другим гневные заявления из Багдада, Турции и Ирана. За независимость региона от Ирака проголосовали около 93 процентов из пришедших на избирательные участки. Всего в плебисците приняли участие порядка 3,4 миллиона человек.

Кроме районов, где проживает подавляющее большинство курдов, избирательные участки действовали в так называемых спорных районах. Это езидский анклав Шангал, христианские города Алькош, Тель-Кейф и Башика и область Киркук вместе с одноименным городом, где, кроме курдов, проживают значительные общины туркмен и арабов. По мнению Багдада, эти районы не входят в состав автономии, а были отторгнуты курдами от других иракских регионов в результате военной интервенции.

Самым конфликтным считается Киркук и его окрестности, очень богатые нефтью. После того как были озвучены результаты референдума, парламент Ирака выступил с инициативой ввести в этот спорный регион иракскую армию — на случай, если Иракский Курдистан действительно решится объявить себя независимым.

«НАШЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО В БАГДАДЕ, А НЕ В ЭРБИЛЕ»

Ситуация с охраной правопорядка в городе Киркук серьезно изменилась по сравнению с тем, как было дело 5–6 месяцев назад, когда происходила операция по освобождению Мосула. На улицах заметно уменьшилось количество вооруженных патрулей и спецтехники. Сегодня по уровню милитаризации он стоит на одном уровне с крупнейшими городами Иракского Курдистана: Эрбилем, Сулейманией и Дохуком. Хотя мировые информационные агентства сообщают о возможном наступлении правительственных сил на Киркук. Когда находишься внутри города, складывается впечатление, что сообщения касаются какого-то другого Киркука, очень далекого, не иракского.

Жизнь в городе идет своим привычным чередом. Самое сердце любого ближневосточного города — центральный базар — функционирует спокойно и бесперебойно. Никаких слухов о том, что в ближайшие дни придется закрыться, базар не ретранслирует. А ведь для любого иракского, любого ближневосточного города это основной источник информации. То, что сообщают в Интернете, по радио или телевидению, носит вторичный характер.

Прошедший референдум совсем не повлиял на ритм Киркука. Город поделен на три основные части: курдскую, туркменскую и арабскую. Как и до референдума, эти этносы считают себя подчиненными определенному правительству.

«Наше правительство в Багдаде, а не в Эрбиле, — говорит владелец парикмахерской и продовольственного магазина в туркменском районе Чадигле Хусейн. — На нас референдум никак не повлиял. Мы хотим жить в едином Ираке».

В Чадигле за правопорядком следят иракская федеральная полиция и местное туркменское ополчение. В центре района на высоком флаштоке развивается знамя иракских туркмен — бело-голубое полотнище с полумесяцем и звездой. Хотя кое-где изредка можно увидеть и потрепанные флаги Иракского Курдистана.

В арабских кварталах тоже все спокойно и размеренно — никакого ажиотажа или настороженности. В этих кварталах стараются вообще обходиться без флагов — ни иракских государственных, ни курдских. Лишь кое-где имеются шиитские флаги с изображением имама Хусейна. Патрулируют улицы исключительно служащие иракской федеральной полиции.

Еще одно важное изменение по сравнению с тем, как было 5–6 месяцев назад. Из киркукской крепости, где расположены памятники, занесенные в перечень ЮНЕСКО, выведены курдские вооруженные формирования пешмарга. Теперь крепость открыта для посещения всем желающим, причем бесплатно.

«ТУТ НЕБЕЗОПАСНО»

Совершенно другое настроение, в отличие от туркменских и арабских кварталов, царит в курдских районах. Иностранцам курды спешат сообщить, что в Киркуке им нужно находиться только в сопровождении вооруженной охраны.

«Вы что тут делаете? — спрашивает водитель местной маршрутки, курд по имени Мериван. — Тут небезопасно. Ни в коем случае не ходите пешком по городу. Здесь людей каждый день похищают. Иностранцам в Киркуке очень опасно находиться без охраны пешмарги».

Впрочем, так курды реагируют с 2014 года, когда город и окрестности перешли под контроль пешмарги. Арабов и туркменов курды воспринимают как врагов. Это в определенной степени оправданно. Все нападения боевиков «Исламского государства» начинались из арабских и туркменских районов. Последнее подобное

нападение произошло в октябре 2016-го, после начала операции по освобождению Мосула. До сих пор на городских зданиях, где шли наиболее интенсивные перестрелки, видны выбоины от пуль.

И хотя курды опасаются своих соседей, доля их среди местного населения стабильно растет и они считают город своим, а арабов и туркменов пришлыми. Правда, если все-таки обратиться к истории, то выясняется, что город был основан ассирийцами, которых со временем успешно вытеснили совместно курды, арабы и туркмены.

В целом настроения в городе не сильно изменились после проведения референдума. Все тот же ритм жизни, те же опасения курдов и гостеприимность арабов и туркменов. Нет признаков, что вероятные противники укрепляют позиции, готовясь к боям.

Источник нашего издания в миссии ООН в Эрбиле уверен, что ситуация в регионе ограничится громкими гневными заявлениями. «Реальный конфликт не выгоден никому: ни курдам, ни Багдаду, ни Турции, ни Ирану. У них имеются взаимные экономические интересы. Если кто-то будет предпринимать резкие шаги, то это скажется на всех остальных. Поэтому дальше слов дело не пойдет. Максимум, недели через 2–3 все успокоится, ситуация стабилизируется», — уверен источник.

По его мнению, через 2–3 недели стабилизируются и цены на нефть, которые пошли быстро вверх на фоне новостей из Иракского Курдистана и Багдада. Багдад не выдержит масштабной войны со столь серьезным противником, как курды. В свою очередь, Эрбилю не выгодны открытые конфликты с соседями, так как именно они являются основными потребителями его нефти. Нефть — главный источник доходов автономии, решившейся на референдум о независимости.

Прогноз моего знакомого из миссии ООН не сбывся. Через три недели после референдума иракская армия, главным образом силы шиитского ополчения «Хашд аш-Шааби», двинулась в сторону Киркука. Я к тому времени вернулся в Россию и наблюдал происходящее по новостям и сообщениям в социальных сетях.

16 октября рано утром «хамви» и «абрамсы» под флагами с изображением шиитского имама Хусейна (флаги «хашдов») без боя заняли туркменский пригород Чадигле. Новости из Киркука оказались в топе крупнейших информационных агентств. Ожидалось, что начнутся ожесточенные бои за Киркук между правительственными силами и пешмаргой. В социальных сетях появились видеообращения курдов из Дохука и Эрбиля, что они готовы прибыть на помощь «киркукским братьям и сестрам» и вместе с ними оборонять «древний курдский город».

Но боев не было. Одно за другим появлялись сообщения от очевидцев, что «хашды» и армия беспрепятственно занимают район за районом. К обеду они заняли нефтяные месторождения вокруг города и огромную военную базу «К-1». Лишь изредка случались локальные перестрелки. Это некоторые бойцы пешмарги не послушались приказа командиров и решили оказать сопротивление. Они не верили или не хотели верить, что их командиры договорились о сдаче Киркука.

За два дня до наступления «хашдов» и армии состоялась очень важная встреча — лидера «Патриотического союза Курдистана» (ПСК) Павла Талабани с иранским генералом Касимом Сулеймани. Сулеймани представлял на встрече Багдад. Иракские чиновники называют его «советником иракского правительства».

Сулеймани — один из величайших наших современников. Главный архитектор иранской военной экспансии на Ближнем Востоке. Именно он стал инициатором создания шиитского ополчения «Хашд аш-Шааби», которое сыграло ключевую роль в окружении Мосула и разгроме ИГ в Ираке. По его инициативе Россия вступила в сирийскую войну на стороне Башара Асада (Сулеймани дважды прилетал в Москву перед тем, как российское руководство официально объявило, что отправит на-

шу армию в Сирию). И это не кабинетный генерал. В Интернете полно фотографий, как Сулеймани посещает передовые позиции то в Сирии, то в Ираке — во время самых ожесточенных боев.

Иранский генерал разговаривал с Павлом Талабани 13 или 14 октября. Он убедил Талабани поддержать Багдад, а не Барзани. Каким именно образом убедил — остается догадываться. В Киркуке, на базе «К-1» и близлежащих нефтяных полях находилась пешмарга, подчиняющаяся как раз ПСК. Пешмарга организованно ушла, ей на смену организованно зашли «хашды», армия и федеральная полиция.

Киркуком дело не ограничилось. Премьер-министр Ирака аль-Абади объявил, что цель правительственных сил занять все «спорные районы».

Планы федерального правительства воодушевили езидов и ассирийцев, живших под властью Иракского Курдистана. У них снова появилась надежда получить автономию, которую они так и не получили ни по итогам Первой мировой войны, ни после американской оккупации Ирака в 2003-м.

В ходе Первой мировой идею создания ассирийской автономии поддержала Российская империя. Но в условиях Гражданской войны, начавшейся в России в 1918-м, было уже не до далеких, почти экзотических ассирийцев. Между тем поражение Османской империи становилось все очевиднее. Надо было ловить момент и подключаться к ее неизбежному разделу. Ассирийские лидеры это очень хорошо понимали.

На мирную конференцию в Париже в 1919 году, когда победители решали участь побежденных, ассирийская делегация прибыла со своим предложением. Делегацию возглавлял епископ Сирийской православной церкви Мар Ефрем Барсум. Именно прихожане Сирийской православной церкви в основном составляли население плато Тур Абдин, где турки и курды уничтожили либо изгнали мирное христианское население.

Делегация подготовила карту — обозначила границы независимого государства Ассирия-Халдея. После геноцида ассирийцы не хотели больше жить под чужой властью, они вправе были претендовать на собственное государство, чтобы в будущем обезопасить себя от подобных трагедий. Территория возможной Ассирия-Халдеи включала Верхнюю Месопотамию, горную область Хяккари и Ниневийскую равнину. То есть регионы компактного проживания ассирийцев до геноцида.

Однако английская делегация приложила массу усилий, чтобы ассирийцы не получили право голоса на конференции. Англичанам хотели получить под свой протекторат Ирак с его богатейшими запасами нефти (Киркук и в то время являлся решающим фактором). Северные районы Ирака «съедали» около половины Ассирия-Халдеи. Другой победитель в мировой войне — Франция. Она претендовала на Сирию, куда попадала тоже значительная часть возможного ассирийского государства. Оставшиеся районы Ассирия-Халдеи отдала молодой Турецкой республике. Пострадавшему от геноцида народу не выделили даже автономии.

Спустя год из-за трений с англичанами французы иницируют проект создания ассирийского самоуправления на северо-востоке Сирии (регион Джазира, где 100 лет спустя появится кантон Джазира, часть автономии Рожавы). К делу привлекают князя (малика) Камбара, бежавшего от геноцида из Османской империи в Грузию. Он принадлежал к Халдейской католической церкви, видимо, поэтому французы сделали ставку на него.

Французский верховный комиссар по Сирии генерал Гуро встретился с Камбаром в Бейруте летом 1920-го. Договорились, что малик должен вернуться на Кавказ, собрать ассирийцев-добровольцев и выехать с ними в Джазиру. Финансовую сторону дела французы берут на себя. Как написал в своей статье ливанский публицист Ашур

Гиваргис, он подробно исследовал тему, Камбару достаточно быстро удалось собрать 450 добровольцев — полноценный батальон. Среди них последователи разных церковных течений: и халдеи-католики, и сиро-католики, и сиро-яковиты, и прихожане Ассирийской церкви Востока.

Батальон прибыл в Джазиру и приступил к охране правопорядка и границы с Турцией. Малик Камбара параллельно втягивается в распри с другими духовными и общественными лидерами ассирийцев. Они ссорятся друг с другом вместо того, чтобы объединить усилия для создания автономии. В эти ссоры впутываются англичане — добавляют причин для раздоров.

Наконец в июле 1922-го Лига наций официально признает Сирию и Ливан подмандатными территориями Франции. За Британией признано право на Ирак, Иорданию и Палестину. Ассирийский батальон французы распускают и включают его военнослужащих в Иностранский легион. Тему с автономией Франция закрывает.

После резни в Симеле в 1933-м ассирийцы снова заговорили о собственном административно-территориальном образовании. Этот вопрос обсуждала Лига наций. Время шло, конкретных решений не принималось, Лига наций в итоге свернула обсуждения.

В следующий раз тема автономии актуализируется после американской оккупации Ирака в 2003-м. В стране обостряются этнорелигиозные противоречия. Правительство, сформированное американцами, не способно обеспечить безопасность этнических меньшинств. В 2004—2008 годах в Мосуле религиозные радикалы убивают ассирийских священников, похищали и убивали митрополитов. Христианский пригород Дора в Багдаде, где проживало 50 тысяч ассирийцев, раз за разом атакуют террористы. 31 октября 2010-го 6 террористов захватывают 100 заложников в сирокатолическом соборе Пресвятой Девы Марии Заступницы. Храм штурмуют иракские спецподразделения — погибают 58 человек, включая священников, прихожан, полицейских и случайных прохожих, 78 человек ранены или покалечены. Ответственность за атаку на себя взяла организация «Исламское государство Ирака» (позже оно станет ИГИЛ, а летом 2014-го — ИГ). Жители Доры массово покидают район. На сегодня в этом пригороде проживают не более 100 христианских семей.

В январе 2014-го правительство Ирака вроде бы соглашается на создание отдельной провинции Ниневийская равнина, где будет организовано ассирийское самоуправление. Предполагается выделить из провинции Ниневия три округа, где проживают преимущественно христиане — Тель-Кейф, Хамдания и Шейхан, — и создать из них новую. Однако практических усилий, чтобы реализовать идею, правительство не предпринимает. Летом того же года провинция Ниневия попадает под власть ИГ.

Когда осенью 2016-го иракская армия и пешмарга освобождают Ниневийскую равнину, ассирийские политические организации снова говорят: нам нужна своя автономия, чтобы не повторялись гонения на христиан. Иракские власти откладывают эту тему до полного освобождения Мосула. Пока продолжается штурм Западного Мосула, о намерении провести референдум в Иракском Курдистане объявляет Масуд Барзани. Опять не до ассирийцев.

Вторая половина октября 2017-го. Ассирийцы Ниневийской равнины за то, чтобы их земли оказались под контролем федерального правительства в Багдаде. Прошедший референдум показал: курдские политические партии не намерены считаться с правами меньшинств. Езиды тоже хотят под юрисдикцию Багдада.

Оставив Киркук, пешмарга отступила из других спорных районов. Езидский Шангал без сопротивления перешел под контроль «хашдов». Город Башика, где, кроме ассирийцев, живут общины езидов и курдов, «хашды» тоже заняли без боя — местные жители встречали их танцами и песнями.

Прихода федеральных сил ждали в Алькоше. Но в 15 километрах от города, в ассирийской деревне Бакуфа, пешмарга, подчиняющаяся партии Масуда Барзани, вступила в бой с федеральной полицией и «хашдами». В ход пошла тяжелая артиллерия. В социальные сети жители Алькоша выкладывали фотографии черного дыма, поднимающегося над Бакуфа.

Казалось бы, парадокс — арабы, которых с лета 2014-го меньшинства обвиняли в триумфальном наступлении ИГ, вдруг ассирийцам, езидам и туркменам стали казаться спасением. Спасением от курдского национализма. Этнические меньшинства поверили, что смогут получить свое самоуправление, если будут подчиняться Багдаду, а не Эрбилю. Захотели поверить. У них опять появилась надежда — после очередной трагедии. И им, особенно ассирийцам и езидам, самым загнанным меньшинствам Ирака, очень нужна надежда, вера, что вот-вот у них будет собственная автономия. Без такой надежды жить в Ираке им будет просто невыносимо.

А что же иракские курды? Курды через месяц после проведения референдума так и не стали независимыми. Потеряли Киркук с его нефтью и еще 30 процентов территорий, которые контролировали до референдума. Инициатор плебисцита о независимости Масуд Барзани ушел в отставку (западные медиа утверждали, что под давлением иностранных дипломатов). Правительство автономии попросило Багдад выделить денег на выплату зарплаты бойцам пешмарги и чиновникам автономии.

Таков он, Ближний Восток, да и Восток вообще: те, кто получает власть, быстро превращаются в беспринципных угнетателей; те, кто ее теряет или никогда не имел, живут надеждами — очень слабыми, почти несбыточными, почти никогда не сбывающимися.

Эрбиль — Кимры, осень 2017-го